

A 62

**НОВОСТИ
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

A 24

ПЬЕР АМП

ЛИЛЬСКИЕ ТКАЧИ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД ~1924**

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

A62 ПЬЕР АМП
*

ЛИЛЬСКИЕ ТКАЧИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
А.А.ПОЛЯК ПОД РЕДАКЦИЕЙ
БЕНЕДИКТА ЛИВШИЦА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

2 экз.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

787592

М

✓✓

Предисловие к русскому изданию.

В книге Пьера Ампа, которой предпосылаются настоящие строки, чисто-художественная и литературная сторона отступает на второй план перед иной задачей: информацией, основанной на документальных данных. На „Лилльских ткачах“ мы имеем возможность наглядно убедиться, насколько сильно и значительно дарование Пьера Ампа, как писателя пролетарского, занятого в своих романах постановкой и разрешением рабочего вопроса. И как ни мощен его писательский и художественный талант, с таким блеском проявившийся в других его произведениях, особенно в „Золотоискателях“ и „Песне Песней“, можно уже теперь не сомневаться в том, что именно в качестве *пролетарского* писателя, в качестве *рабочего* мыслителя, в качестве *мастера* нового литературного жанра, посвященного исключительно *труду*, в котором он видит воплощение идеала красоты, Пьер Амп войдет в историю литературы завтрашнего дня.

Книга, предлагаемая Государственным Издательством вниманию русского читателя, позволит последнему оценить, до какой степени ее автор, одаренный первостепенным художественным талантом, ничем не уступающим наиболее блестящим буржуазным романистам, умеет

добровольно отказываться от всяких литературных эффектов, скромно „принижая“ себя до роли исследователя и даже простого осведомителя по рабочему вопросу. В этом отречении от всех условностей буржуазного искусства, в этой непоколебимо-мощной простоте, с которой он повествует на языке рабочего о быте последнего и о ежедневно встающих перед ним задачах, Пьер Амп, нисколько о том не заботясь, достигает такой убедительности, свежести и силы мысли и слова, которые удивляют своей оригинальностью и подкупают верностью и четкостью своих резко очерченных контуров.

Произведения, подобные настоящему, интересны не только заключенными в них ценными сведениями, знающими нас с укладом материальной жизни французского рабочего, но также (и, быть может, это существеннее всего) и тем, что они неоспоримо свидетельствуют о возможности существования пролетарского искусства, художественной литературы, посвященной труду и руководящейся принципами изящной сдержанности формы, идущей рука об руку с подлинным реализмом, в высоком значении этого слова.

ЛИЛЬСКИЕ ТРАЧИ

(L'ENQUÊTE)

Я КЛЯНУСЬ ГОВОРИТЬ
ТОЛЬКО ПРАВДУ.

*Кодекс уголовного судопроизводства,
Статья 75-я.*

Под несколькими строками, приглашавшими срочно явиться, виднелась размашистая подпись банкира Пьера Бернара. Пельтье, кандидат исторических наук, редактор „Золотой середины“, надел свой лучший костюм из синего шевиота.

— Я должен, — рассуждал он, — писать, как ему нравится, получая по сорок франков за статью. Неужели я промахнулся? Этот богач пользуется методами инквизиции, видоизменяя их, соответственно духу времени. Теперь, конечно, не зажигают костров на площадях, но принцип тот же: „Думай, как я, или подыхай с голоду“.

Его настороженно-подозрительное отношение к банкиру ослабело в спокойном парке, зелень которого была испещрена золотыми пятнами увядших листьев. Домашние голуби, гнездившиеся на ветвях деревьев, то и дело перелетали оттуда на карнизы особняка Пьера Бернара, оживляя и украшая осеннюю картину. Пельтье пришлось немного подождать в узком пространстве между бильярдом красного дерева и стеной, украшенной картинами в массивных рамах; он ясно ощутил презрительное отношение прислуги к людям, которые слуг не держат. Лакей с неподвижным лицом провел его в просторный кабинет с высоким потолком, в котором Пьер Бернар принял его с подобающей важностью. Пельтье, молодой человек двадцати семи лет, почтительно склонив перед хозяином свою гибкую фигуру, старался держать себя именно так, как, по его мнению, подобало среди окружавшей его богатой обстановки; тем не менее он,

скосив глаза, не упускал из виду лакея с типичной физиономией: неподвижные черты лица и гордый взгляд.

Он подумал: способен ли этот одомашненный человек задуть своего господина? Прислуга — это пятое сословие; почти не люди; эта категория испытывает на себе презрение и богатей и бедняков.

Голос Пьера Бернара вернул Пельтье из глубин философских размышлений к реальности.

— Вот, зачем я вас позвал.

Он коснулся бумаг, лежавших на столе, по краям отделанном бронзой. Высокие деревья парка заглядывали в большое окно кабинета и, качая ветвями, как будто одобряли царившее молчание.

— Вы можете произвести обследование. Вы ведь в курсе дела, неправда ли?

Пельтье воздержался от откровенности и молча наклонил свою черную голову с уже поредевшими от забот висками. Иной ответ, впрочем, был бы неуместен, ибо Пьер Бернар уже уничтожил вопросительный знак.

— Вы знаете, в чем дело.

Пельтье, вынужденный скрывать правду, еще ниже наклонил свою голову, — однако манера Бернара повторять свои мысли пришла молодому человеку на помощь и спасла от бесчисленных неприятных последствий.

— Я намереваюсь произвести *сравнительное обследование уровня жизненных потребностей и заработной платы*. Это не надо смешивать с *„Enquiry into working class Rents, Housing and Retail prices“*¹⁾, опубликованным английским Министерством Труда в 1909 году, так же как с анкетой: *„Заработная плата и расходы на жизнь в различные периоды до 1910 года“*, изданной нашим Министерством Труда и Социального Признания.

¹⁾ Обследование доходов рабочего класса, его домашних расходов и розничных цен.

— К своей задаче я подхожу с совершенно другой точки зрения. Я разбиваю страну на области по народному питанию, что резко отличает мое обследование от других анкет подобного рода. Железнодорожная компания, которой я состою директором-распорядителем, попыталась определить на своей сети стоимость удовлетворения жизненных потребностей. Анкета была составлена в Париже и содержала в себе все продукты питания, обычные в Сенском департаменте: говядину, картошку. Вы ведь знаете, что основным продуктом питания в Иль-де-Франсе является бифштекс с жареной картошкой. Один смысленный инженер указал, что анкета, составленная таким образом, не имеет никакого смысла в области, примыкающей к Лиллю и Газебруку, где население питается, главным образом, свиным салом, вареными овощами, хлебом с маслом и цикорием.

— Установление единого индекса продуктов питания делает анкету совершенно бесполезной. В Марселе рабочие часто едят обержины¹⁾, которые в Аррасе являются редким блюдом. Коровье масло на севере, где оно служит главным продуктом питания, очевидно имеет другой коэффициент для оценки его значения, чем на юге, где оно заменяется прованским маслом.

— Для каждой области я составил отдельный тип опросного листа, принимающий во внимание особенности народного питания. Обследование будет иллюстрировано географическими картами: это будет настоящая география потребления. Неправда ли, вы видите, как будет ясна подобная статистика?

Пельтье видел, но Бернар продолжал свои объяснения:

— Я придаю большое значение расходам на развлечения, каковые не упоминались в английских и французских официальных анкетах. Кроме установления географических границ распространения пива и вина,

¹⁾ Род баклажан. (Прим. перев.)

придется отдельно обратить внимание на алкоголь, поглощаемый во время принятия пищи, и на алкоголь, потребляемый для удовольствия: придется также отметить, сколько выпивается в семьях и сколько в увеселительных заведениях.

— Я надеюсь доказать, что в бюджете рабочего расходы на удовольствия относительно выше, чем в так называемом буржуазном бюджете. Рабочий, получающий четыре франка в день, тратит пятьдесят сантимов на выпивку. Вы с трудом найдете служащего с годовым окладом в четыре тысячи франков, который тратил бы пятьсот франков в год на кафэ. Я надеюсь моим исследованием добыть многочисленные примеры, подтверждающие мою мысль об экономическом значении морали; я надеюсь также доказать, что в очень многих случаях теперешний бюджет рабочего вполне достаточен для скромной, здоровой жизни. Я опубликую индекс необходимых для поддержания жизни продуктов и их количество для различных категорий труда, а в конце своего исследования я попытаюсь выяснить, соответствует ли образ жизни наших рабочих тем средствам, которыми они располагают. Рабочий—в виде общего правила—живет выше своих средств. Если бы я позволил себе жить на таких же основаниях, как большинство рабочих, т.-е. в кредит, я бы скоро разорился.

Пельтье подумал, что ему следует улыбнуться, чтобы показать этим свое, лестное для хозяина, сомнение в возможности такого оборота дела, но Бернар не дал ему времени на это и указал на предназначенную ему работу.

— Вы знаете север. Вы уже несколько раз его обследовали; вы написали о железнодорожном персонале работу, которую я очень ценю. Исследование там будет нелегко из-за большой плотности населения; зато перечень продуктов питания невелик, что значительно облегчает задачу. Вам придется заполнить анкеты такого рода.

АНКЕТА №.....19.....			
1. Имя и фамилия			
2. Профессия			
3. Адрес: Улица..... №.....			
4. Коммуна.....	Департамент.....		
5. Число детей			
6. Число детей работающих			
Заработная плата: отца, матери, детей.			
7. Поденная			
8. Месячная			
Заработная плата всей семьи в год.			
9.	Сбережения.		
10.	Годовой расход.		
11.			
Расходы.	Цена.		Примечания:
12. Масло			
13. Свиное сало			
14. Хлеб			
15. Мясо			
16. Овощи			
17. Кофе			
18. Цикорий			
19. Сахар			
20. Пиво			
21. Алкоголь			
22. Табак			
23. Квартира			
24. Одежда			
25. Развлечения			
26 до 36			

7 и 8. Заполнять эти графы, сообразно системе заработной платы. Заработок, выдаваемый каждые две недели, считается поденным и ставится в графу 7. Жалованье служащих вносится в графу 8. Если заработок, показанный в графах 7 и 8, является не единственным, указать, каков побочный заработок, и вписать побочное занятие в графу профессии: например: сельский рабочий, ткач на дому.

9, 10, 11. Суммы, проставленные в графах от 36 до 12, надо сложить и сумму вписать в графу 11. Сумма граф 11 и 10 должна дать сумму графы 9.

36. В 36 графу поместить сумму всех оставшихся расходов, слишком мелких для того, чтобы создавать для них отдельные графы.

Цена. В эту графу поместить цену масла, сала, хлеба за килограмм, пива—за литр и т. д.

В 21 графе должно быть показано обычное количество ежедневно употребляемого алкоголя.

В графе 25 надлежит указать воскресный расход на алкоголь, также как и на связанные с ним развлечения: игра в карты и т. д.

Примечание. Кавычек не ставить, а повторять цифры, если понадобится.

Бернар не дал возможности Пельтье спокойно прочитать текст анкеты.

— Вы постараетесь получить ответы на эти вопросы также и за прошлые годы; вы, так сказать, изучите историю движения цен на масло на севере.

Вновь показался бесстрастный лакей, чье каменное лицо опять привлекло внимание Пельтье, и доложил о приходе Агокса, который тяжелой походкой вошел в кабинет.

Пельтье с удовольствием заметил, что башмаки у Агокса плохо вычищены; ему стало легче от мысли, что теперь он одет не хуже всех. Он почувствовал себя более уверенным, сознавая, что у него на плечах костюм из приличной материи. Пельтье решил, что этот неряха исполняет для Бернара строительные работы, ибо последний спросил у него: „Ну, как ваша постройка?“¹⁾

Агокс теребил двумя пальцами ремешок, заменявший ему часовую цепочку.

— Я подготавливаю теперь большое обследование о причинах усиливающегося недостатка рабочих рук; это теперь один из самых важных вопросов.

Он положил ногу на ногу; брюки, приподнявшись, обнаружили порванный и завязанный узлом шнурок от ботинка.

Бернар сказал:

— Все вопросы, касающиеся рабочей силы, важны.

Он указал на Пельтье и представил его Агоксу в выражениях, принятых у строителей.

— Один из моих помощников, который соберет мне на севере материалы, необходимые для моего обследования касательно профессиональных коэффициентов жизненных потребностей. Я думаю, что все явления в области рабочей силы, рождаемость и смертность,

¹⁾ По-французски: „Qu'avez vous maintenant sur le chantier?“ Над чем вы трудитесь теперь? (Прим. перев.)

и, следовательно, обилие и скудость рабочих рук находятся в связи с руководящей мыслью моей анкеты.

Агокс начал критиковать официальные отчеты.

— Вы сызнова начинаете работу по обследованию рабочего бюджета. И, в самом деле, оба министерских отчета весьма далеки от действительности: они недостаточно пристально ее наблюдали; в этих отчетах совершенно нет графы для расходов по передвижению.

Бернар одобрительно сказал:

— Совершенно верно; доходы рабочих поездов...

Агокс продолжал:

— Рабочий пользуется теперь для передвижения самыми разнообразными способами—трамваем, велосипедом. Он уже не живет непременно около фабрики. Я теперь буду изучать передвижения рабочих, ежедневные и сезонные; в Бельгии такое обследование произведено Эрнестом Магэмом с большим успехом.

Агокс с трудом уместил три пальца на огрызке карандаша, которым принялся делать заметки в своей грошовой записной книжечке; его манера одеваться демократически шла рука об руку с его природной скупостью.

Пельтье, притворяясь внимательным слушателем своего патрона, на самом деле развлекался разглядыванием украшений комнаты.

В разных местах стояли простые медные и каменные горшки с перцем, с платановыми ветками и чертополохом; из молочного бидона выглядывал пучок травы.

Пельтье непочтительно думал:

„Бернар ищет красоты в огородах; новейшая эстетика ставит перец вне конкурса; из приправы к жаркому он превратился в украшение шикарных салонов; побежденные розы должны гнить на холмах Грасса“¹⁾.

¹⁾ Местность около Ниццы, славящаяся своими розами. (Прим. перев.)

Громко сказанная Бернаром фраза, обращенная к Агоксу: „Мы здесь находимся в мастерской общественной работы; ваш верстак находится рядом с моим“ — вывела Пельтье из созерцания. Бернар оставил свой столярный жаргон и обратился к Пельтье:

— Как поэтичны эти растения! Какое изящество формы! Какие живые краски! Какие оттенки красного, желтого!

Агокс, оседлавший левую ляжку правой ногой и сжимая поднятую ступню, как руку старого приятеля, тоже объявил себя сторонником перца.

— Благодаря длительной красоте овощей мы избавлены от необходимости ежедневно менять цветы. Прибавьте к этому еще кисть провансальских томатов. Какие краски!.. Какие!.. О!..

Агокс и Бернар выражали свои мысли о красоте одинаковым образом; конец фразы они заменяли восклицаниями, мурлыканьем и оживленной жестикуляцией большого пальца, описывавшего в воздухе замысловатые кривые. Агокс направил свой большой палец на горшки с чертополохом и затем совершил им ряд спиралевидных движений, сопровождая их продолжительным мычанием. Он был в восхищении от новой моды украшать салоны отбросами рынков и кухонных корзин; он рассказал о кастрюле, украшающей его спальню, и казался очень довольным тем, что несмотря на тридцать тысяч франков ежегодного дохода, стенные украшения его квартиры ничем не отличаются от украшений жилищ семей, которые спят там же, где едят. Танец большого пальца вдохновил его на социологические темы.

— Сколько искусства заключается в выбрасываемых вещах! Воспитание вкуса — источник больших радостей для народа!

Бернар одобрил эту мысль.

— На основании сведений, которые доставит мне 25-я графа моей анкеты, я надеюсь доказать, что

существующая заработная плата вполне позволяет рабочему развивать в себе чувство прекрасного.

Висевшие на стене дорогие часы поспешно отзвонили двенадцать ударов. Агокс поднялся, но Бернар предупредительно сказал:

— Пообедаем вместе, как два старых товарища по мастерской...

Столовая также была украшена горшками с чертополохом, стоявшими на жардиньерках; дубовая обшивка стен и мебель поглощали свет, лившийся через широкие окна, глядевшие в парк; белоснежная скатерть под кововой люстрой выделялась светлым пятном среди темной блестящей мебели, на которой резные украшения оставляли глубокие тени.

Агокс поднял бороду, чтобы заправить салфетку за воротник, и показал грязные концы своего воротничка — убедительнейшее доказательство его демократичности. Стыдился ли он своего богатства или стремился его увеличить — во всяком случае, свое желание подделаться под бедняка он распространил и на белье.

Бернар извинился перед неожиданными гостями, что угощает их тем же, что ест сам.

— Картошка, хлеб и пиво, которые вы, господин Пельтье, найдете на севере, отнюдь не отравляют организм. Я уволил своего повара и взял кухарку, но все еще не могу добиться, чтобы считались с моими вкусами. Повара и кухарки не признают простоты. Мы жертвы кулинарного искусства.

Агокс одобрительно улыбнулся, что вызвало возражение Бернара.

— Я однако поддерживаю достоинство своего положения; я считаю украшение жилищ общественным долгом; роскошь — это работа богатей. Я уважаю собственность, достойную уважения.

Безупречный лакей подносил на серебряном блюде сочное поджаренное филе к фарфоровым тарелкам с ши-

рокими золотыми ободками и инициалами „П. Б“. Агокс быстро атаковал кусок мяса своей вилкой. Два одинаковых графина, один с белым, другой с красным вином, украшали стол. Бернар сказал:

— Не признаю ничего, кроме воды... Я мог бы жить на три франка в день. Я это утверждаю, так как знаю рабочих; я их часто навещаю, они навещают меня. У нас такие отношения, что никто не мог бы сказать, что у нас неодинаковые средства существования. Они знают много такого, чего нет в книгах. О, действительность! Как она увлекательна! Я начинаю презирать то, что отвлекает нас от нее. Музыка — большое несчастье!

Агокс выискал фразу, которая, казалось ему, еще больше свяжет Бернара с народом.

— Вы крупный благотворитель...

Бернар возразил:

— Нет. Я даю деньги с очень большими предосторожностями. Служащие на тех железнодорожных линиях, где проезжие англичане дают обыкновенно крупные чаевые, живут хуже служащих той сети, где чаевых не водится. Дающие на чай — это бич бедняка.

Агокс был вполне с этим согласен.

— Да.

Бернар начал объяснять, как он организовал свою благотворительность.

— Простая милостыня меня не удовлетворяет; я предпочитаю социализировать часть моего богатства, доход с которого принадлежит неимущим. В течение двух последних лет я сильно увеличил этот доход, благодаря удачному помещению капитала в предприятие порта Розарио; надо умело управлять имуществом бедных.

За десертом они ели фрукты, с которыми Пельтье обращался особенно осторожно, так как у него не было привычки к таким деликатесам. Бернар распространялся еще о своей любви к точности.

— Надо интересоваться всем. Вот этот кофе стоит два с половиной франка килограмм.

Пельтье заявил, что ему скоро надо уйти в редакцию. Социолог успокоил его.

— Я сегодня утром телефонировал, что вы немедленно уезжаете на север. Впрочем, пойдите туда и получите формальное разрешение; я не люблю нарушать установленные порядки.

Он проводил Пельтье к двери и добавил:

— Графу 26 вы озаглавите: „Передвижение“. Вы, конечно, понимаете, что если вопрос недостатка рабочих рук действительно существует, то он входит в план моего обследования. Запишите по этому вопросу все, что вам покажется достойным внимания. Когда вы едете?

Пельтье ответил, что он поедет завтра, во вторник 15 октября.

Так он и сделал. В половине девятого утра он сел в третий класс поезда № 351 на Северном вокзале и прибыл в Лилль в 12 часов 14 минут пополудни, с пятиминутным опозданием. У него были с собой три записных книжки: № 1 с надписью «Документы», № 2 с надписью «Мнения» и № 3 с надписью «Факты». Он размышлял:

— Бернар хочет исправить официальные отчеты. Ошибки в этих отчетах происходят от того, что для выводов пользуются уже имеющимися архивами. Военные продовольственные склады могут дать мне сведения о движении цен на картофель. По всей вероятности, эти цены мало чем отличаются от цен на картошку для рабочих. Однако, правдоподобность не есть истина; придется уже не констатировать факты, а делать выводы; я ведь должен обследовать не армию. Найдут ли я расходную книжку прядильщицы за 1900 год?

Крик уличного торговца овощами:

— Сэнт - Омер! Прекрасные Сэнт - Омер? — дал

ему возможность сделать первую запись в своей книжке № 3:

„Цветная капуста, величиной с человеческую голову, — 50 сантиметров“.

Он записал также цену картошки:

„Два су за кило; за пять кило — восемь су!“

Торговец держал в руках две отборные головки и расхваливал их женщинам, стоявшим у дверей:

— Самая замечательная капуста! наилучшая в мире! — Затем без всякого перехода заорал: — Картошка! Картошка!

Зелено-белая масса капусты возвышалась над горой картошки, которую торговка накладывала на помятую чашку весов.

Пельтье пожелал себе и в будущем находить в своей работе такие же категорические утверждения и такую же возможность ясно видеть то, что утверждаешь.

Ему доставляло удовольствие быть обладателем факта, против которого ничего нельзя возразить; он знал, что особую щепетильность в отношении доказательств истины проявляют тогда, когда не желают признавать самой истины. Занятия статистикой вселили в него недоверие к этой бумажной науке. Он был свидетелем, как фанатики цифр подгоняли их для того, чтобы получить нужные таблицы. Бернар стал известен, как социолог, после прочитанного им в Социальном Музее (5, улица Лаказ, Париж VII) доклада на тему:

«Соотношение между механизацией производства, заработной платой и количеством рабочих в текстильной промышленности».

Пельтье пришлось разобрать тогда целые килограммы анкет. Без ответа было 31%; с неполными ответами 27%. Бернар сделал свои выводы на основании 42% анкет, возвращенных вполне заполненными.

— Господа! Я направил мои инструменты, я вытер свои орудия...

Пельтье думал:

„А те 42%, которые ответили, они тоже вытерли и направили свои инструменты, раньше чем отвечать? Где доказательство этого? Приходится верить бумаге. А кто контролирует честность искателей истины? Надо было бы иметь над ними контролеров, а затем контролеров над контролерами. Занимающимся статистикой приходится верить в человеческую добросовестность; статистика основана на вере. Сколько служащих не имеют ни времени, ни охоты заполнять анкеты; им наплевать на них; они предпочитают играть в карты, а не тратить время на установление правильных результатов. Честность статистика заключается в том, что он принимает всерьез измышления лиц, дающих сведения“.

По всем этим причинам, Пельтье решил прежде всего заняться фактами: записной книжкой № 3.

Выйдя из гостиницы, в которой он остановился, Пельтье увидел Деркюисса, фабриканта простых и сученых хлопчатобумажных тканей, стоящего у подножия большой черной статуи, воздвигнутой в память осады Лилля.

Гражданам Лилля 1792 года.

В знак уважения от их сограждан 1842 года.

Статуя эта в Лилле просто называлась „Богиня“.

Пельтье знал этого фабриканта, но сознательно постарался не встретиться с ним, ибо для него он предназначал записную книжку № 2 — „Мнения“. Он не хотел, чтобы случай мог играть в его обследовании какую-нибудь роль; он думал, что дисциплина требует того, чтобы дело двигалось не по воле случая, а согласно заранее намеченному твердому плану. Поэтому Пельтье пошел вдоль ограждающей памятник решетки. Случай, однако, направил шаги Деркюисса ему навстречу. Этот налитый пивом человек был необыкновенно спокоен. Он по-местному поздоровался с парижанином:

— Что хорошего?

Потом ответил на поклон Дерусо - Делькур, льно-прядильщика, и сказал:

— Прядильщик с орденом. Член комитета Маскюро, в котором много южан. Он метит в префекты; это ему приносит вред; люди думают, что у него неважные дела.

Он поздоровался еще с другими фабрикантами и извинился перед Пельтье, что оставляет его на минуту, чтобы переговорить с Делебар-Делессалем — владельцем ткацкой фабрики.

Пельтье слышал: „Я вам звонил сегодня утром. Длинные, шелковистые из ... цена ниток“...

Оба эти крупных богача говорили без жестикуляции; их большие, мясистые тела оставались неподвижными. Деркрюисс вернулся.

— Вагон уже прошел. В делах надо пользоваться случаем. Когда встречаешь людей — это значит, что их не придется потом искать. А пропустить вагон — не беда, будут другие.

Пельтье рассказал ему, что его привело в Лилль.

— Мне поручили провести в этом департаменте анкету по некоторым вопросам.

Будучи методичным по натуре, он сообщил своему собеседнику только один из них:

— О недостатке рабочих рук.

Всего этого оказалось недостаточно, чтобы завязать с Деркрюиссом разговор.

Пельтье поискал, чем можно было бы заинтересовать этого человека, относящегося безразлично к орденам. Он решил попытаться повлиять на него богатством.

— Пьер Бернар...

— Владелец банка Бернар!

— Да.

Подождал трамвай: инспектор уселся рядом с промышленником и сделал еще одну попытку.

— Итак, недостаток рабочих рук...

Деркрюисс немного оживился.

— Вы можете сказать Пьеру Бернару, что если ему желательно найти работу для детей, я помещу у себя довольно значительное количество, чтобы ему доставить удовольствие.

Пельтье, которому шум трамвая не мешал продолжать беседу, отвлекся разговором дамы в черном, сидевшей с молитвенно сложенными руками; она обращалась к молоденькой девушке, одетой в темное строгое платье с высоким воротником. Среди однообразного шопота дамы проскальзывали слова:

— Когда уяснили себе античные религии... По крайней мере, наша... Она нас возвышает.

Деркрюисс медленно говорил Пельтье:

— Есть предприятия, в которых рабочий состав уменьшается. Деруссо-Делькур потерял год тому назад восемьдесят человек из-за стачки чесальщиков; он их еще никем не заменил. Слишком много уже развелось пряделен, особенно бумажных. Старый Леклерк говорил: „Возьмите дурака, дайте ему миллион, и вы получите бумагопрядильщика“. В общем это правильно. Сын хозяина будет хозяином; хозяева же имеют по десять сыновей; поэтому увеличивают количество веретен. Во Франции теперь на целую треть больше веретен, чем нужно по количеству ткацких станков.

Дама, которая уяснила себе античные религии, просила свою собеседницу — цветущую барышню — принять под свое покровительство падшую девушку.

— Если бы вы ее немного поддержали...

Пассажир второго класса истолковал эти благочестивые слова в ином, фривольном, смысле и запел:

Куда бы ни пошло — все делает добро.

Полная женщина громко и быстро что-то рассказывала; то и дело слышалось:

— Тогда я говорю... тогда он говорит... а я говорю... Вы знаете... Так он мне говорит... я говорю...

Деркрюисс жаловался:

— В некоторых предприятиях нельзя и слова сказать рабочему; они требуют расчета из-за малейшего пустяка; они знают, что через час они будут уже наняты в другом месте. В Лилле нет безработных; их вы найдете только в рудниках.

Обследователь спросил у него, не может ли он точно указать: „процент нехватки рабочих рук в прядильной промышленности“.

Фабрикант вышел из вагона на Дюнкирхенской улице, перед своей фабрикой.

— Скажите Бернару, что я ему дам нужные сведения, касающиеся хлопка. В этом я сведущ. Приходите в среду утром.

Мелькавшая в конце поперечных улиц открытая равнина манила к себе Пельтье. Он дошел до улицы Англо, откуда открывался широкий вид. Перед ним расстилалось вспаханное поле, переходившее в отдалении в серую степь.

Борозды, параллельные горизонту, отбрасывали в сторону дороги тени; ближе они были густые; вдали казались бледнее, благодаря отражению света в воде, наполнявшей рывтины.

Борозды, перпендикулярные к горизонту, освещались солнцем по прямой линии и казались белыми. Немного поодаль лежали поля, украшенные гниющей зеленью, среди которой выделялось золото свекольной ботвы; на границе полей подымались большие деревья, окружавшие кирпичный замок. Вершины неподвижных тополей застыли в вышине дымно-серым узором своих ветвей. Долина спускалась к заводам Марэ, густою копотью застилавшим небо земледельческой Фландрии.

Порыв ветра разорвал облачную завесу; проглянула лазурь, и прямой острый луч пронзил осветившийся воздух; целая деревня высоких скирдов засверкала золотом своих крыш; у подножья их расстился ковер листвы, тронутой тлением.

Большие старые деревья, переросшие уже не одно поколение людей, вычерчивали свои белые тени на розовевшей от солнечной ласки земле. Пролетел ворон; лист упал, словно капля жидкого золота.

Пельтье старался понять, что было причиной охватившего его нежного умиления; грозящая ли мгновенному свету тьма? сырость ли и холод, которые делают человека смиренным?

Проникнутый молчанием до глубины души, он отдавался тоскливому очарованию и ужасу равнины. Усилившийся ветер гулял по простору, в котором терялся взгляд.

Из крестьянского домика с надписью: „Кабак. У Святого Мартина“ — вышел плачущий ребенок, вслед которому послышался окрик:

— Молчи, крикун!

Усевшись на каменный порог, ребенок утешился тем, что стал возиться в грязи. Копальщики, работавшие на свекловичном поле, с силой встряхивали вытащенные корнеплоды, чтобы отделить приставшую к ним землю, и с удивлением смотрели на Пельтье, неподвижность которого казалась им непонятной, ибо он не заходил в кабачок: ведь другой кабачок „У Трех Дубов“ был не ближе полукилометра по дороге в Энетьер!

Обследователь вернулся к Дюнкирхенской улице, на которой рабочие дома перемежались с фабриками и стенами парков, тщательно скрывавшими спрятанные там богатства. Кованая решетка притягивала взгляд к прямой аллее из больших деревьев, ведущей прямо к замку: белый камень и красный кирпич. К зеркальным дверям вели ступени. Каменная ограда, загрязненная снизу сточной канавой, тянулась до входа в красивую фабрику. Завод удобрения, добываемого из шерстяных остатков, распространял зловоние, несмотря на порывистый ветер.

Сожженное красным раскаленным железом копыто лошади пахло горящим рогом. Пельтье внимательно

следил за учащенными движениями молотобойца в глубине кузницы и за отбрасываемой им скачущей тенью. Тележник раскаленным железом прожигал в дышле дыру для железных скреп. Пахло горелым деревом. У входа в мастерскую, в которой мелькали обнаженные руки с рубанками, валялись колеса без ободьев. Эта первобытная работа, эти жесты, не изменившиеся со времен дохристианской эры, только углубили умиленное чувство, возникшее у Пельтье при созерцании равнины, на которую теперь надвигалась ночь.

Влажная земля с блестящими бороздами и отдаленный огонек создавали иллюзию двух самых красивых явлений в этом мире: волны и звезды.

Торжественная ясность природы нарушалась толпой, высыпавшей на двор одновременно с фабричными гудками. Возгласы и призывы на характерном шепелявом фландрском наречии раздавались среди отдельных кучек, собравшихся около ворот прядильни Деркрюисса.

Девушка, читавшая письмо, с негодованием говорила о вертевшихся около нее девушках:

— У! Какие любопытные!

— Ты идешь в Фивз, Роза? — кричала одна из работниц.

Роза, оказывается, шла туда.

Пельтье вошел в тот же трамвай, в которой усаживались работницы, держа на коленях корзинки из-под провизии и бидоны для кофе. Они говорили мало, утомленные дневной работой. У некоторых, не успевших причесаться к моменту, когда веретено делало свои последние обороты, в волосах торчали волокна хлопка. Женщина лет сорока спала, убаюканная шумом трамвая. Одежда этих людей была насквозь пропитана льняной и хлопчатобумажной пылью.

Монашенка медленно перебирала четки двумя пальцами и беззвучно шевелила губами. Женщины так плотно набились между сиденьями, что монашенка с тру-

дом могла двигаться. С неподвижно устремленным взглядом она все быстрее и быстрее поводила трудолюбивыми губами.

Вагон выгрузился: темнота улиц с грязными, липкими мостовыми ослаблялась освещенными окнами кабачков, наполовину прикрытых занавесками. Уличные торговцы в разнос оглашали Вазем предложениями своих товаров.

— Груши Сэн-Матье, два су за кило.

Обследователь записал.

Крик сменялся шумом трещотки.

— Ракушки! Ракушки!

Коренастая, крепкая торговка убеждала женщин, стоявших у дверей:

— Из садка, знаете! Можете мне поверить!

Пельтье читал вывески.

Кафе... кафе... кафе...

А! Булочная! Белый хлеб за стеклом безо всякой надписи.

Старик, согнутый до такой степени, что лицо его почти лежало на палке, беспомощно стоял у входа в кабачок, на дверях которого было выведено: „Здесь можно ночевать“, и куда его не впускали. Половина кабачка была завалена старым полусгнившим хламом; другая половина была занята конторкой и шестью стульями.

Негостеприимный торговец закрыл дверь перед носом несчастного, который пожаловался на свою судьбу черно-волосой фламандке с тонкой кожей, которая просвечивала из-под слоя грязи. Она дала ему су:

— Бедняга!

Получивший милостыню старик чуть не был сбит с ног набежавшей ватагой детей; сохранив равновесие, он постучал монетой в окошечко кабатчика, уже ожидавшего свою добычу.

Работницы из трамвая исчезали в дворах, тьма которых поглощала их тени. Пельтье подумал:

„Я нахожусь тут в самом центре моего обследования. Я изображу на бумаге то, чем питается это население, и удовлетворю Бернара“.

Он подумал также, что эта часть города, Вазем, будет существовать и после того, как он заполнит свою записную книжку № 2 — *«Мнения»*, начатую теперь Деркюиссом. Нищета этого квартала казалась извечной. Кабаки, кабаки... на веки веков.

Ему, собственно, захотелось сейчас же приняться за заполнение книжки № 3 — *«Факты»*, но усмотрев в этом влияние окружающей его обстановки, он обиделся за свой разум, который наметил другой план работы, и решил не поддаваться этому желанию.

Над гаммой запахов царил запах газового завода; к нему присоединялась вонь застойных луж этой низменной части города. Лавочка мясника, продающего рубленное мясо, — ужин бедняков, — выделялась ярким освещенным пятном рядом с кабаком с завешенными окнами. У дверей кабака стояла женщина с ребенком, закутанные в одну шаль. Согнувшись над младенцем, которого не было видно, она старалась согреть его своей теплотой.

Она попыталась войти, но встреченная криком: „пошла вон“, опять вернулась на тротуар.

Толстозадая кабатчица, с большим животом, вышла вслед за ней.

— Оставь его! Пока он пьет, он тебя не бьет.

— Не в том дело. Ну, а когда он напьется?

— Он заснет, и ты будешь спокойна.

Кабак. Графа № 25. Пельтье зашел. Чистая комната, полированные столы, ножки соломенных стульев тонут в белом песке, которым густо усыпан пол. Чугунная печка натерта графитом; стальные ее части ярко начищены. За большими кружками пива спокойно сидели мужчины. Кабатчица, наливая маленькую кружку Пельтье, вступила с ним в разговор.

— Зима уже пришла; по вечерам совсем холодно.

Он тщательно подыскивал слова для разговора, чтобы не возбудить подозрения. Она продолжала:

— Начинается дождливое время; не завидую я путешественникам.

Пельтье согласился с ней.

— О, да! Еще стаканчик!

— Что нового, Шорш? — встретила она вошедшего посетителя. Мужчина ответил:

— Рюмку водки! Свежо!

Его единственной защитой от холода было худенькое пальтишко с поднятым воротником; чтобы лучше согреться, он высоко поднял плечи. Приятная теплота кабака разлилась у него по телу: он перестал ежиться, опустил плечи и, казалось, вырос на половину. Подойдя к стойке, он запрокинул голову, чтобы жидкость могла без задержек проскользнуть через горло в желудок, и опорожнил рюмку. Поставив ее на прилавок, он сказал:

— Еще одну! Это твоя жена на улице?

Один из посетителей, сидевший под таблицей, на которой был напечатан:

«Закон о борьбе с публичным пьянством»,

ответил:

— Моя жена сидит дома.

Жорж позвал его к стойке:

— Выпьешь стаканчик, Коппеноль?

Он поднялся лишь после двукратной попытки и, подойдя неверными шагами к стойке, оперся о нее локтем для равновесия и тогда только сказал:

— По твоему обыкновению, Жорж!

Жорж указал на людей, мирно сидевших за пивом, о котором гласила вывеска:

Пиво Матэ-Леспаньоля.

— Они наслаждаются!

Затем он стал расспрашивать своего собеседника о человеке, который работал на газовом заводе.

Спрошенный им мужчина, человек с плотной спиной, медленно и вслух соображал:

— В понедельник мы выпили вместе по кружке; я его опять видел во вторник, мы выпили по кружке вместе с бельгийцем Льекеву.

— Я его видел вчера; мы выпили по кружке.

Жорж опять запрокинул голову, выплеснул жидкость в глотку и сказал:

— Мне пора идти, —

так как он работал во вторую смену.

На левой руке женщины, обмакивавшей свои губы в пиво, находился ребенок, неподвижно спокойный, неподвижный, как труп. Сидя с полужакрытыми глазами перед своим стаканом из толстого стекла, она изредка оживлялась и начинала быстро качать ребенка.

Пельтье указал на приглашенного к стойке мужчину, который теперь возвращался на свое место.

— Почему его жена не входит?

— Потому что ее муж не хочет. Ей бы лучше дома оставаться. Это не этот толстый; это — Коп-пеноль. Ее муж это Беке — сидит там в углу.

Она указала на угол, где из-за густого табачного дыма трубки выглядывало широкое костистое лицо. Пельтье сказал:

— Еще кружку, маленькую, —

и выслушал мнение кабатчицы.

— Он работает в ткацкой; там много пыли; надо ж выпить стаканчик! Он вовсе не так много пьет, вы знаете! Утром две рюмки водки и вечером две кружки пива. Нельзя сказать, чтобы он был пьяницей. Но его жена никак не может с ним поладить. Он говорит: „Я могу выпить. У нее все есть. Дама из патроната дает ей сахару, хлеба, одежду для ее детей на зиму“.

Он прав, этот человек; когда дама из патроната посещает семью, рабочий может тогда спокойно выпить свою кружку.

На улице Пельтье записал. Профессия — ткач. Графа 25: развлечения — 30 сантимов в день.

Ласково обратился он к женщине:

— Ребенок простудится; вы лучше уложили бы его.

Она отступила на мостовую, где было темно, и открыла большой рот, похожий на черную дыру из-за отсутствия зубов.

— Я пойду домой, когда захочу. Когда он все пропьет, все таки надо будет уплатить долг в лавочку за две недели. На что я буду жить?

Пельтье предложил ей денег и был так настойчив, что удивленная женщина, наконец, протянула руку. Обследователь не упускал из виду порученной ему Бернаром работы:

— Ведь он пьет немного; всего только две кружки на этот раз?

Женщина, покоренная непонятной ей добротой, заговорила:

— Он пьяница. Две кружки тут и две кружки в другом кабаке. Если я его поймаю здесь, он меня побьет, но вернется домой. Если мужчина пьет, он заходит во все кабаки, попадающиеся ему по пути домой, до тех пор, пока не свалится где-нибудь совсем пьяный. Когда муж пьет — это несчастье: из сорока двух франков, которые он заработает в две недели, он мне дает тридцать три, остальные для него. На этот раз он мне дал только 30 франков: у него был долг кабатчику, как он объяснил. На эти деньги я должна жить с четырьмя детьми. Картошка стоит два су за кило. Было бы дешевле брать сразу по сто кило — шесть франков десять су.

— А масло, — спросил он, — сколько стоит?

— Сорок восемь су двухфунтовый горшок. Неважное масло. За три франка можно купить свежее. Подумайте только! Трехфунтовый хлеб стоит в кооперативе десять су. И заметьте — никогда нет полного веса. У булочника то же самое и, кроме того, он стоит две-

надцать су, но зато там дают в долг. Хлеб никогда не имеет полного веса: обязательно не хватит одного, двух ломтей. За год собирается порядочный вес.

— Сколько хлебов вы берете на день?

— Два, а когда муж пьян — один: он не ест тогда.

Пельтье отошел в сторону, чтобы записать полученные им важные сведения. Женщина последовала за ним. Он спросил ее:

— Вы живете здесь?

— Улица Рогасион; двор Уи.

— Какой номер?

— Кажется, одиннадцать. Вы спросите Розали Беке; квартира в пятнадцать франков.

— Сколько комнат?

— Теснота. Умываться приходится на дворе.

Пельтье попросил ее поскорее унести в тепло ребенка, который тем временем проснулся. Женщина встретила его пробуждение ласковыми словами:

— Малюточка, родненький, Батист!

Пельтье очинил свой карандаш и задумался над людскими страданиями.

— Бедная женщина! Цель ее жизни сводится к изысканию способов поддержать свое существование. Ее главная забота — это цена на хлеб и грошовый недoves. Какая мысль движет этими людьми?

Он с ужасом почувствовал себя среди стада животных. Новый страх, страх нищеты и страданий, присоединился к прежнему ужасу, навеянному равниной. Где же солнце? Усилив воли молодой человек призвал самого себя к порядку, недовольный своей невыдержанностью и изменением метода работы: теперь он страстно желал пролить луч разума в эти потемки, тогда как его первоначальной задачей было лишь проверить некоторые статистические данные для составления монографии.

Прислонившись к наружной стене бумагопрядильни Деркрюисса, Пельтье разглядывал лежащую перед ним равнину. Солнце было закрыто белой тучкой, как бельмом. В тех местах, где с неба слезла полуда, оно было испещрено светлыми пятнами. Высокие стволы деревьев, торча из черной земли, вздымали ветвистые шатры, подобно фабричным трубам, клубящимся дымом. За железной решеткой гроыхала фабрика в полном ходу.

Деркрюисс, в белой парусиновой куртке, предохранявшей его платье от хлопчатобумажного пуха, очевидно не ожидал Пельтье.

— Что нового?

Обследователь начал издалека:

— Отвратительные мостовые в ваших местах. Неровные, покрытые липкой грязью; нога то и дело проваливается. Вследствие трудности передвижения, у здешних обитателей очень развились конечности: я заметил, что у быков, лошадей и женщин чрезвычайно сильные ноги.

Деркрюисс без особой горячности встал на защиту своего города. Пользуясь веретеном, вместо пресс-папье, он прикрыл им кучку бумаг и сказал:

— У нас плохая мостовая вследствие свойств подпочвы. На глубине трех метров уже наталкиваешься на подпочвенную воду. Земля опускается — отсюда неровности мостовой.

Избегая интересующего их вопроса, оба испытывали неловкость и, наконец, замолчали. Пельтье двинулся в обход.

— Смею ли я надеяться, что в этих бумагах заключены цифровые данные, которые вы обещали Бернару.

Тогда фабрикант как будто бы начал вспоминать.

— Ах, да! Но для чего Бернару эти сведения?

Наткнувшись на фламандскую недоверчивость, Пельтье решил идти напрямик.

— Бернар — социолог. Он мало интересуется банком Бернар и К-о, во главе которого стоит его брат, Макс Бернар. Пьер же Бернар посвятил себя вопросам экономической политики. Его статистические исследования пользуются известностью, в особенности изданное у Берже-Левро: *„Связь между механизацией производства, заработной платой“*... В настоящее время его интересует отношение между заработной платой и расходами на жизнь. Обследование этих явлений поставило перед ним другой вопрос: ощущается ли в промышленности недостаток в рабочих руках?

Фабрикант уклонился от прямого ответа.

— Данные, полученные у меня, не могут удовлетворить вас. Дадут ли вам сведения мои конкуренты — вот вопрос. Ставят ли они новый станок или сокращают работу — обо всем этом мне дают точные сведения их рабочие, поступающие ко мне. Мои же рабочие от меня не уходят. Вы можете указать на это Бернару. Мои расходы по оплате труда исключительны. Я знаю предприятия, где сучильщицы получают всего два с половиной франка, а мотальщицы — два франка семьдесят пять сантимов.

Он указал на проходившего по двору мальчика с голыми руками, который ежился от холода, выйдя

из теплого помещения прядильни, где поддерживается высокая температура.

— Этот маленький работник, привязывающий нитки к станку, получает полтора франка. За хорошую плату всегда можно найти рабочих, но, конечно, до известного предела. Уже отец мой говорил: „Если бы у меня было достаточно рабочих рук, я бы наживал миллионом больше“.

Статистик удвоил свою любезность:

— Было бы весьма интересно знать, как оплачивался труд рабочих при вашем батюшке. Мы не собираемся опубликовывать эти цифры в отдельной графе под заголовком „Заработная плата прядильщиц фабрики Деркрюисса с 1890 года“. Наша задача состоит в том, чтобы, сопоставив эти данные с другими, аналогичными, найти средние цифры, но отнюдь не заниматься оглашением сведений о частных предприятиях.

Поздирительность фабриканта улеглась.

— Отметьте вот что: пятнадцать лет тому назад сучильщица получала один франк двадцать сантимов. Теперь она вырабатывает три с половиной франка. Однако, им теперь хуже, чем когда-то, — они перестали молиться. Появились кинематографы, пивные. В нашем детском приюте...

Он отыскал регистратор с надписью „Если“ и продолжал:

— На этой неделе из двадцати кроваток занято лишь одиннадцать. По понедельникам и вторникам эти малютки похожи на мертвецов. Накануне их держат до одиннадцати, двенадцати часов ночи в кабаке или кино, в воздухе, отравленном алкоголем и табачным дымом. Вот на что уходит заработок рабочего. Поэтому мой принцип: маленькая заработная плата — большая благотворительность. Когда я говорю, что сучильщица стоит мне три с половиной франка в день — это не значит, что я ей плачу двадцать один франк

в неделю. Она получает в неделю пятнадцать — пятнадцать с половиной франков. Это составляет добрых два с половиной франка в день. Этого достаточно. На мужчину-рабочего я считаю 1.200 фр. в год. Платить больше было бы опасно. Коль скоро деньги попали к рабочему, вы теряете над ним и контроль. Он напивается, вместо того чтобы купить себе хлеба, и становится негодным к работе. Чем больше вы ему платите, тем он хуже; тем он больше разоряет свою семью. Я уменьшаю заработную плату и увеличиваю раздачу натурой — хлебом, платьем, углем. Это приносит пользу детям. При высокой заработной плате отец обязательно сопьется. Работницы предпочитают, чтобы их мужья работали у меня за три с половиной франка, чем в другом месте за четыре, потому что, в конечном счете, это мне обходится в четыре с половиной франка. Они знают, что их будет навещать моя жена, и что аббат Эшер прав, говоря: „Чем меньше оплачивается труд — тем он удобнее богу“.

Пельтье поинтересовался:

— Сколько тратит рабочий на кабак?

Фабрикант ответил неопределенно.

— Я не могу сказать вам точно, — и тут же добавил: — В воскресенье он оставляет в кабаке пять франков, в понедельник столько же, если он их имеет. Многие не выходят в понедельник на работу. Жена говорит: „Ты не работаешь, и я не пойду гулять, так вместе“. Чтобы не остаться без рабочих, мы предпочитаем отпускать их в понедельник в четыре часа вместо шести. Это лучше, чем портить материал. Если рабочий — пьяница, это обнаруживается очень скоро, так как на его жалованье накладывают арест. Как только его найдут, он уходит с работы на другое место, где он остается, пока его опять не разыщут. Я ни разу не видел, чтобы арест на жалованье был наложен кабатчиком. Это делает булочник, домо-

хозяин, — кабатчик же оплачивается в первую очередь. Рабочий идет к нему сразу после получки, он скорее откажется от хлеба, чем от водки. Пока не упразднят кабаки, всякое увеличение заработной платы было бы крупным злом.

Заручившись обещанием предоставить ему точные цифры и получив адреса других бумагопрядильных и ткацких фабрик, Пельтье удалился.

Он решил написать по этим адресам, прося назначить ему свидание для переговоров, а остаток дня провести в торговой палате, в архиве которой он надеялся найти движение цен на масло. Тучи сгустились в плотную низкую завесу, сливавшуюся с дымом фабричных труб. Шел дождь, и Пельтье направился вдоль тротуара, тщательно обходя образовавшиеся лужи.

Послушный зову жизни, разрушавшей план его работ, он изменил своим намерениям заняться документами. Его увлекала действительность, он поневоле прислушивался к суровому голосу окружающей нищеты. Улицы предместья Вазем были пустынные в это время дня, так как люди были заняты на фабриках. За окнами, наглухо загороженными до высоты человеческого роста, на шкивах двигались ремни. В тихую улицу шумным потоком врывалось жужжание веретен и стук станков.

У газового завода стоял ребенок с мрачным лицом и внимательно смотрел, как гасильщики поливали раскаленный кокс. Пельтье обратился к малышу, непокрытая голова которого приходилась молодому человеку не выше колен.

— Где двор Уи?

Мальчик, который вместо игр предавался созерцанию, поднял на него свои серьезные глаза взрослого человека, и Пельтье нагнулся к нему, чтобы расслышать ответ.

— Ты не знаешь?

Ребенок покачал головой, не разжимая губ и тряхнув жесткими волосами. Если бы ему остричь их, он показался бы совсем карликом.

Мимо пронеслась ватага мальчишек, распевавших уличную песенку:

Стоит Бисмарк у порога —
На жену он смотрит строго.
Палку в руки взял,
По спине ей дал.

Не торопясь после школы вернуться домой, где еще никого не было, они по пути наполняли грязную улицу своей веселой суматохой. Пельтье спросил молчаливого мальчугана:

— Твоя мама на фабрике?

Тот утвердительно кивнул косматой головой.

Обследователь обратился со своим вопросом к проходившему землекопу, который, отставив лопату, переспросил:

— Двор Уи? Это не доходя площади Каскет? За газовым заводом двор Стиверанта. Потом двор без имени. Затем Делятр, Либер, и в конце — Ванторходут. Вы уверены, что это на улице Рогасион? У него много дворов. У Сэн-Совер, в Мулен-Лиль, в Фив...

— А сады, — спросил исследователь. — Тут есть хорошие сады?

На лице человека отразилась профессиональная гордость:

— Вдоль бульваров есть еще достаточно богатых домов. А на Кантелэ расположены сады особняков.

Вскинув заступ на плечо, он пошел рядом с Пельтье.

— Дворов на улице Рогасион много, но вы не ошибаетесь? Вам нужен двор Уи?

Пельтье читал на ходу названия дворов:

— Либерт... Делатр...

Перпендикулярно улице шли два ряда низеньких домов, разделенных узкой, вымощенной дорожкой,

с канавой посредине. Девочка гнала грязную воду длинной метлой; грязь не убывала, но размазанная метлой, ложилась по земле сложным узором. Мелькали голые руки женщин, занятых стиркой.

А! вот он, двор Уи! Расщелина между двумя кабами. Пельтье приготовился проскользнуть боком, но проход оказался достаточно широким, чтобы пройти прямо. На стенах от сырости проступили селитренные кристаллы и темные пятна, вместо облезшей штукатурки, а кое-где торчали черные кирпичи. С развешенного по всем направлениям для просушки белья капала вода и во дворе пахло мылом. Пельтье увидел Розали Беке, которая гладила у окна без занавесок, выходящего во двор-колодез. Он подумал:

„Это номер одиннадцать. Она не была уверена в этом. Но отчего она не сказала, что это подле отхожих мест?“

Один стульчак приходился на двенадцать квартир.

Розали Беке оставила работу и стояла с опущенной головой, сгорбившись, припадая всем телом на одну ногу. Пельтье открыл дверь. Батист кричал в своей колыбели. Фигура женщины тонула в сумерках. Он с трудом разглядел скрытые во мраке стены. Женщина наполняла молоком рожок. Желая заручиться ее доверием, он спросил:

— Я беспокоился — не выпил ли вчера ваш муж слишком много?

Показались соседки. Женщина ответила с гордостью:

— Мой не пьет. На нашем дворе другие пьют очень много: они не встают в понедельник, и даже во вторник не выходят на работу. Например, бельгиец.

Не желая обидеть ее своей жалостью перед соседками, Пельтье поддержал ее.

— О, бельгийцы, это известное дело. Они бы повесились за водку.

И добавил:

— У вас благоразумный муж.

В комнату неторопливо вошла женщина лет сорока с обвязанной грязным платком шеей. Она ухмылялась, подрагивая красными, лоснящимися от грязи щеками.

Нагнувшись через плечо Пельтье, она обдала его винным запахом:

— Я не помешаю?

Хозяйка пригласила ее:

— Выпьете чашечку, Гиль Бобб?

И обратилась к гостю:

— Немножечко кофе? Садитесь, мосье.

Гиль Бобб, с своей стороны, предложила:

— Я принесу сахару.

Она принесла в сморщенных от стирки пальцах четыре куса белого сахару и, сделав несколько шагов, постучала в дверь № 9.

— Кто стучит?

— Я.

— Кто я?

— Я, говорю тебе.

— Ну войди. А, это ты, Гиль? Что нового?

— У Розали кофе. Надо пойти.

Приглашенная вышла, прикрывая шею рукой. Пельтье заметил, что ее большой палец изуродован машиной; на месте ногтя была собранная и зашитая кожа. Сгорбившись от усталости, она потащила стул с деревянным сидением. Все трое стали приглашать Пельтье:

— Садитесь, садитесь.

Он сел. Батист кричал в своей деревянной люльке, завешенный от света полотняным пологом. Розали влила в рожок какой-то светлой жидкости из пузырька.

Пельтье спросил участливым голосом:

— Он болен?

— Да нет, — сказала Гиль Бобб с восхищением; — слышите, как он орет. Крикунам не мешает дать немного сонных капель. Раньше была маковая настойка. За два

су ее хватало на целую неделю. Теперь ее не отпускают без бумажки от доктора. Но аптекарь продает маковый сироп — четыре су. Врачи, они ничего не смыслят в детях. Когда занята по хозяйству или уходишь на фабрику, кто будет унимать ребенка? Он может изойти от крика.

Батист, внезапно успокоившись, погрузился в сон, под уговариванья тетки Гиль.

— Будь паинькой, мальчуган, будь паинькой!

На черной плите стоял постоянно кипящий эмалированный кофейник. Розали Беке подсыпала цикория.

Пельтье разглядывал развешенные по стенам улыбающиеся головки с дешевых календарей.

Гиль Бобб вдруг стала меньше шепелявить, смягчив свой ужасный фламандский выговор, — ждешь вместо здесь.

— Вы к нам не часто заглядываете. Вы занимаетесь торговлей? Граммофонами или швейными машинами?

Обследователь воспользовался недостатком сахара, чтобы подружиться с хозяйкой, дав пятилетнему малышу два франка на сахар. Гиль торопила маленького оборванца, растерянно прижавшегося к печке, в которой тлело несколько головешек.

— О, он отлично знает; только он поражен. На все деньги сахару — это слишком много! За пятнадцать су имеешь целое кило. Ну, Густав, живо! Поворачивайся! Возьмешь два кило, такую массу! У тебя останется десять су. Дай ему бутылку, Розали! На десять су ты возьмешь женьевра. Только не в кабаке „*Tan отур*“ — там скверные люди, — а лучше в бакалейной.

Густав медленно вышел, а соседка с лихорадочно-румяным лицом спросила:

— Почему они скверные, в этом „*Tan отур*“? У них хорошее пиво. На прошлой неделе, когда моя дочь была здорова, я еще ходила на фабрику. Мой пришел вместе со мной, а суп не готов. Когда муж

торчит, невозможно работать — тесно. Я ему говорю: „иди, выпей кружку“. Смотрю — суп готов, а его все нет. Тогда я пошла за ним в „*Tan otur*“, а он мне: „ну, выпей кружку“.

Розали нашла, что это неосторожно.

— Я никогда не посылаю своего в кабак. Я ему говорю: „сидишь и выкури трубочку“. Если с воскресенья останется шесть су, мы посылаем за кружкой. Разоъем все вместе.

Роза Вакренье раскрыла от усталости рот, показывая свои зубы, испорченные от плохого ухода во время частых беременностей. Ее жидкие волосы, собранные в шиньон, удерживались сломанной гребенкой. Прислушавшись к тому, что делалось за тонкой перегородкой, она сказала:

— Кашляет...

И ушла, волоча за собой ноги.

Гиль, двигая своими толстыми, грязными щеками, повязанными белым платком, объяснила:

— У ее маленькой девочки бронхит. Это пройдет. У нее уже раз было.

Розали обратилась к женщине, которая продолжала усердно стирать во дворе.

— Маленькую чашку?

Прачка указала на белье в деревянной лоханке. Гиль пронзительным голосом выразила свое неодобрение.

— Ну и гордячка! Эта рябая рожа!

Розали заступилась:

— Она некрасива, зато какая работница! В красоте мало проку. Она хорошо смотрит за детьми; она всегда стирает. Когда муж не пьет — это еще не трудно. Но дети, да еще муж пьяница!

— Зачем она задирает нос перед нами! — сказала Гиль Бобб. — Когда ее муж идет в союз, без кружек не обходится. Когда он ходит к секретарю, который арендует кабак, — опять кружки. Она

берет у дамы из патроната, и у аббата, и у сестры, как и я.

Розали внесла поправку:

— Теперь у нее уже пять маленьких ребят. Когда у нее было только двое, она не ходила к обедне. Я хорошо знаю.

Гиль предложила:

— Не пригласить ли тетюшку Вассэнг?

Это была маленькая старушка, вся в морщинах и царапинах. Она держала в руке тряпку для мытья полов, такого же цвета, как она сама, так что тряпка казалась продолжением ее руки, на которой сильно проступали вены.

Пельтье видел, как она тяжело сгибала свое старое тело, чтобы вытереть ступеньку крыльца. Лужицы вокруг нее казались раскиданными по двору тряпками.

Густав вернулся нагруженный, исподтишка погрызывая сахар.

Мать слегка упрекнула его:

— Ты обязательно должен по дороге грызть что-нибудь. Ты хлебнул тоже немного? С этим балбесом Анри? Это такие воришки!

Пельтье сделал вид, что смакует черный напиток, предложенный ему Гиль Бобб на файв-о-клоке Розали Беке. Он был тронут их любезностью к нему, чужому человеку, и удивлен стремлением этих людей соблюдать правила вежливости, несмотря на их, как ему казалось, крайнюю нищету. Женщины смеялись, глядя на шалости Густава, который за ловкий прыжок получал кусок сахара. Обследователь размышлял:

„Отчего бедняки не печальны? Богатый ребенок имеет столько же удовольствия, играя дорогой игрушкой, как этот маленький оборвыш, который обрубком метлы колотит по грязной луже. Когда Беке приходит домой навеселе, но с получкой в кармане, Розали вероятно испытывает то же, что жена Деркрюисса, когда ее супруг

возвращается после спора с клиентами раздосадованный, но не потерпев никакого убытка. Не является ли нищета трагедией лишь с точки зрения богача? Она его трогает больше, чем самого бедняка. А жалость богатого — не страх ли это? По-настоящему, нищим можно назвать лишь человека разорившегося. Муки ада испытывает не тот, кто беден, но тот, кто помнит себя богатым или стремится к богатству“.

Во дворе дети сразбегу опрокинули несколько лоханок; полутороговалый не поспедал за ними и кричал благим матом; малыш ползал вдоль стены. Амели Эннион подняла его, вытерла грязные, мокрые ручки и сказала:

— Они тебя снова повалили на задницу!

Роза Вакренье вернулась; ее беспокоили вопли побитого и изруганного ребенка во дворе.

— Это опять тетка Копеноль. Она разбудит мне дочку!

Гиль похваливала горький напиток из цикория.

— Она его хорошо приготовляет.

В дверь просунулся худощавый человек с костлявым носом. Из ушей и носа у него торчали волосы, как из распоротой подушки. Он спросил:

— Вам хлеба надо?

Розали ответила:

— Нет.

Гиль сказала, посмеиваясь:

— Ему бы хотелось чашечку.

— Это булочник? — заинтересовался Пельтье. — Сколько он продает?

— Нет. Это Бекар. Он работал на фабрике, привязывая нитки к станку, за три франка с половиной. И, кроме того, прядильщик давал ему два раза в месяц двадцать су, если он хорошо связывал. Жена его работает на льнопрядильной, имеет четыре франка или немного больше; ей надо было бы оставаться дома при детях,

а она говорит мужу: „я пойду на фабрику, потому что я получаю больше тебя“. Теперь он работает за бабу: занимается хозяйством и делает все по дому. А хлеб он продает, чтобы иметь на женевр.

Человек смотрел на кофе, шуря свои гноящиеся веки.

Пельтье снова ухватился за интересовавшую его тему.

— К вам часто приходят торговцы. Они дорого торгуют?

Гиль Бобб начала:

— Не то чтобы они дорого торговали...

Но Розали Беке ее сейчас же прервала:

— Гиль, не говори так. Этот бельгиец Льекеву платил за граммофон по пять франков два раза в месяц. Он платил пять раз. Один раз он не заплатил, и торговец забрал граммофон. Мой хотел его взять. Я сказала: нет. Тогда торговец отдал его с уступкой той женщине, которая выехала отсюда, за четыре франка каждые две недели. Когда он узнал, что она выезжает, он явился. Она должна была уплатить за все. Я тебе говорю, что за все. Так было подписано.

Гиль поправила:

— Розали, я говорю тебе, что купец его забрал не оттого, что она выезжала, а оттого, что она его толкнула, он испортился, и она должна была все уплатить.

Женщины терпеливо ответили и на следующий заданный инспектором вопрос:

— Много ли торговцев бывает здесь?

Роза Вакренье сказала:

— Много есть охотников до рабочих денежек. Один продает гармоники, другой — одеяла.

Гиль держалась правой рукой за спинку стула, на котором помещала только пол-зада.

— Это торговля. И я когда-то торговала. Всем надо жить. Так вы не по коммерческой части?

— Я явился, чтобы узнать, дорога ли жизнь в ваших краях.

Гиль задвигала обмотанной тряпками шеей и заговорила громче других:

— Дорого ли? Картошка восемь су за пять кило. В этом году было много дождей, картофель плохо уродился. Но масло...

Розали, сидевшая неподвижно, сложив руки на коленях, заговорила, шевеля одними губами.

— Не говори. С маслом теперь лучше, чем в прошлом году.

— В это время?

Пельтье воспользовался их спором о ценах на продукты и начал делать заметки; тогда они сразу замолчали, уже не думая о том, кто кого переспорит. Он их успокоил:

— У меня плохая память. Так вот я записываю свои расходы. Вы тоже?

Розали Беке в ответ только мотнула головой...

— Что вы сказали?

Видя, что ей этим не отделаться, она ответила:

— Когда я была молода, я была в услужении: двадцать франков в месяц на всем готовом, хороший стол и все прочее. Но когда я ходила за покупками, мне приходилось все записывать. На два су салата, и то записывала. Теперь, если на наличные, к чему записывать? Когда в кредит, тогда другое дело.

Пельтье решил превратить их в сотрудниц Бернара.

— Записывайте ваши расходы, как мадам Беке делала в услужении. Она вам покажет. Я вам буду давать по два франка в неделю.

Женщины, держа кусочек сахара на кончике языка, цедили сквозь него цикорий, остывший от добавленного женьевра.

Гиль Бобб согласилась.

— Записывать — это занятие богачей. Эти женщины ничего не смыслят в этом. Я их научу. Только у меня нет книжки.

— Я пойду куплю.

Он достал в „бакалейной лавке с продажей табака и напитков“ записные книжки по одному су и карандаши из некрашенного дерева. Молодой человек попутно отметил: селедки маринованные — пара: 0 фр. 25; булонская колбаса: 0 фр. 60 фунт. Когда он вернулся, женщины все еще смотрели недоверчиво. Дети сидели потупившись и брали свои су, издали протягивая руку. Что такое они им сказали, чтобы так напугать их?

Стараясь облегчить возложенную на них задачу, Пельтье очинил карандаши и должен был положить их на стол, так как ни одна рука не протянулась за ними.

— Это легко, посмотрите:

Масло

Сало

Хлеб

Мясо

Квартира...

— Вы платите ежемесячно. Сколько?

Гиль Бобб хлопнула себя по бедрам.

— Если ты не будешь платить, тебя уж заставят. Не увильнешь никак.

При этом она закатилась горловым смехом, в ответ на который Пельтье терпеливо улыбнулся и хотел уж повторить свой вопрос, когда Розали Беке и Роза Вакренье ответили разом:

— Пятнадцать франков.

— Шестнадцать франков.

Гиль внесла поправку.

— Здесь во дворе все квартирки в пятнадцать франков.

Роза Вакренье положила правую руку на грудь:

— Говоря по совести, они не надувают нас с квартирами. Когда я пришла нанимать, мне сказали: шестнадцать франков. А потом мне уступили за пятнадцать. Шестнадцатифранковые они уступают за пятнадцать.

И за четырнадцать с половиной, если квартира вблизи отхожих.

Обследователь обратился к мадам Беке, которая при этих словах сильно покраснела.

— Нет, я ничего.

Гиль Бобб грызла сахар, издавая звуки, напоминавшие чавканье свиньи.

Пельтье сделал заключение:

— Значит, квартирная плата уменьшается.

Роза Вакренье подняла одно плечо и, как бы прячась за него, сказала:

— Ну, уже нет! Жена бельгийца Лъективу живет здесь уже шесть лет. Когда-то она платила двенадцать франков. На другом дворе Уи квартирка в три комнатки стоит теперь восемнадцать франков. Здесь за пятнадцать имеешь только две комнаты, но большие. У меня, например, наверху, четверо детей в двух кроватях и между ними есть еще проход.

Розали Беке описала свою прежнюю квартиру за двадцать пять франков.

— Дома Вамбука лучше, чем Уи. Здесь один только Эннион платит двадцать пять франков. Он занимает целый дом.

— А Вассэнг — девятнадцать франков, — сказала Гиль. — У него полторы квартиры: две комнаты внизу и одна наверху. Для шести детей места достаточно.

Пельтье спросил:

— Где живет Уи?

Они сами не знали. Считая это хитростью с их стороны, он поставил вопрос иначе:

— Кому вы вносите плату за квартиру?

Гиль Бобб, продолжая грызть сахар, сказала:

— Они приходят за деньгами. Письмоводитель приходит. Письмоводитель от нотариуса.

Розали Беке, подойдя к комоду, начала доставать из ящика всякие безделушки, выигранные на лотереях.

— Дети все суют сюда.

Потом, порывшись, вытащила расписку с пометкой об уплате.

Поверенный в делах Дорнис, бульвар Биго Данель, 42.

Пельтье заметил себе этот адрес. На прощанье он еще раз предложил женщинам записывать свои расходы. Ничего не ответив, они попрощались с ним, стоя неподвижно в дверях. Гиль Бобб подталкивала остальных.

— Надо быть решительнее.

Обследователь подумал:

„Мы все не откровенны — ни они, ни я. Чтобы поймать дичь, прибегают к хитрости; чтобы уловить истину, прибегают ко лжи. Надо заставить ее врасплох. Какое утверждение свободно от сомнений? Когда мы говорим, что обладаем истиной, это значит, что мы отмахнулись от сомнений. Утверждая что-нибудь, наш разум заставляет молчать демона сомнения. Однако, мне платят деньги за заполнение анкет. Поскольку человек может утверждать — я утверждаю“.

Он повторил слова Гиль:

— Надо быть решительнее.

Мимо проходил торговец вареной картошкой, старичок, согнувшийся под тяжестью своего жестяного котла. Его тонкий голосок звучал, как флейта, в вечернем воздухе.

— Картофель, горячий картофель!

Пельтье подумал горестно.

„Вот правильные выводы из статистики, а по существу, это абсолютная неправда. Сам я не утверждаю без основательной проверки, но могу ли я добиться этого от других? Фанатикам хорошо: „ты говоришь не то, что я, и я тебя бью“; они обладают достоверностью, хотя бы только для себя. Но я, ведь, никого не бью, и истина бежит от меня!“

В свое оправдание он сказал:

— Я делаю как можно лучше. Если хочешь заставить людей говорить о себе, надо уподобиться им — это лучший метод для опрашивающего. Жить одной жизнью с ними. Стать ткачом, жениться на Гиль Бобб и жить во дворе Уи. Обследователи же проходят, высоко держа свой карандаш и весьма довольные собой. Правосудие должно быть делом очень трудным, даже для судей. Они обладают способностью творить его поверхностно. Если бы они смотрели глубже, у них ничего бы не вышло.

На каждой улице было изображение ваземской Венеры: женщина с младенцем на руках, но, в отличие от богородицы, она держала еще одного за руку, третий цеплялся за ее юбку, старшие следовали позади.

Добросовестный обследователь продолжал диалог со своей совестью:

— „Ты никогда не будешь довольна?“

— „Никогда“.

Он пытался сообразить, какой тон следует ему взять по отношению к поверенному Доршису.

У бульвара Биге Данель кончался бедный квартал; за занавешенными окнами чувствовалось благосостояние. Между стеклом и занавеской на подоконнике стояли медные и керамические фламандские вазы, так как у жителей города Лилля есть привычка выставлять свое добро напоказ.

В квартире № 42:

Поверенный в делах
ДОРШИС.

Этот субъект, одетый в черный костюм под нотариуса, выслушал обследователя.

— К Пьеру Бернару из банка „Бернар и К-о“ обращаются многие заводчики вашего департамента за финансированием. Бернар хотел бы выяснить, возможен ли дальнейший рост промышленности в этой области; не

является ли недостаток рабочих рук угрозой для уже существующих предприятий? Как обстоит с жилищным вопросом у рабочих? Какова, в среднем, квартирная плата? Зная вашу осведомленность в этих вопросах, я обращаюсь к вам от имени Пьера Бернара, в надежде получить интересующие нас сведения.

Доршис, окруженный толстыми юридическими книгами в старых кожаных переплетах, внимательно выслушал его, и, не меняя своей неподвижной позы, заговорил с готовностью:

— Пьер Бернар может располагать мною. Ему придется строить дома для своих рабочих. Положение таково, что бельгийцы уже не в состоянии удовлетворить наш спрос на рабочие руки. Если бы в настоящий момент к нам свалилось пятьдесят тысяч человек, они в течение суток были бы законтрактованы нашими каменноугольными и металлургическими районами. Рудники втягивают в себя целыми поездами деревенское население, которым раньше питалась лильская промышленность. В Нэ уже с давних пор работают австрийские углекопы, в Курриере — армяне и марокканцы. На улицах Саломина вы встречаете фески. Мы становимся колонией своих собственных колоний. Во время сардинского кризиса в Бретани, вербовщики привезли оттуда для рудников полторы тысячи бретонцев, которым платили от 5 до 6 франков в день. Но из них едва тысяча осталась на рудниках; остальные предпочли вернуться и погибнуть голодной смертью на берегах моря. В шахтах уже готовые галлерей ждут только забойщиков. На стеклянных заводах в Маньере работают немцы. Ткацкие фабрики Камбрэ и металлургические Лурш-Валансьена пустуют летом, так как рабочие возвращаются к сельским земледельческим работам. Это у них в крови, с этим ничего не поделаешь. Им говорят, что больше не возьмут их на работу, но когда они возвращаются, их принимают с распростертыми объятьями. Кем их заменить?

„— Недостаток в рабочих руках делает французскую индустрию анемичной. У нас еще дело обстоит лучше, чем в других местах. На Сомме фабрики закрыты. Наша очередь еще не наступила, но она придет. На севере еще довольно высокая рождаемость. Мы находимся в более благоприятных условиях еще по той причине, что рабочий стремится туда, где развита промышленность. Сельское хозяйство умирает, так как деревни пустеют. Без прироста населения Франция не может развиваться, ни поддерживать свою промышленность. И при таких условиях они еще строят новые бумагопрядильни!

„— Мы стали бы богатейшим народом, если бы иностранцы снабжали нас рабочими руками, но эмиграционные волны идут по намеченным путям, минуя нас. Каждая нация хранит рабочую силу для своей индустрии, и мы будем побеждены, так как наши станки бездействуют за недостатком рабочих. Несмотря на переживаемый ею расцвет, Франция никогда еще не была в таком отчаянном положении: у нее холодеют конечности, я слышу предсмертное хрипенье нашей промышленности.

„— Хозяин спокоен лишь тогда, когда он держит своих рабочих под замком, как машины, чтобы их никто не украл. Он строит для них дома при фабрике. Слышали вы о бумагопрядильне Деркюиса?

— Да.

— Деркюис строит для своих рабочих поселки в двадцать домов. Один такой дом расценивается в три тысячи пятьсот франков, не считая участка. Квартирная плата—двадцать один франк. Он имеет всего три процента, что равносильно самопожертвованию. Но зато он спокоен. Я во всякое время к услугам господина Бернара...

— Спасибо,—сказал Пельтье.—Эти двадцать домов расположены по обе стороны узкого прохода с канавой

посередине, т.-е. образуют то, что у вас, в Ваземе, принято называть двором?

Доршис запротестовал самым искренним образом:

— Нет. Городская префектура не дала бы разрешения на такую постройку.

Он развернул план поселков Деркюисса.

— При каждом доме отдельная уборная и водокачка. Две комнаты внизу, две — вверх; одна мансардная, во втором этаже, и чердак.

Рука агента, покрытая светлым пушком, медленно задвигалась по столу.

— По сравнению с ними, квартиры в Ваземе, у Сэн-Совера и Этака гораздо дороже. Промышленники могут строить поселки; от этого доходность так называемых рабочих дворов не уменьшается. Я знаю дворы, которые приносят 20%, тогда как буржуазные не дают больше 5%; объясняется это тем, что в рабочих домах применяется принцип: исправный квартирант платит за неисправного. Но, в конце концов, устраиваются так, что и неисправный платит.

— Ваземские рабочие любят селиться возле своей фабрики. Женщины привыкают к своему двору. Когда рабочие дома после раздела наследства продаются, они легко находят покупателя, особенно среди прислуги из богатых домов. Буржуазия теперь редко помещает таким образом свой капитал. В прошлом году я составлял купчую для кухарки Деркюисса на четыре рабочих дома. Половина наличными, половина под закладную. Это дает владелице 15%, несмотря на обветшание домов. Их не ремонтируют. Квартиры все равно идут за ту же плату. В уборных вы нигде не найдете крышки. Они их сжигают, но новых не делают.

„— Из шестисот квартир, за которые я взимаю плату, не найдется и двадцати незанятых. Неприятности происходят лишь оттого, что среди них мало верных плательщиков. У рабочего узнают при сдаче квартиры, где

он работает; мы следим за тем, в какую субботу происходит получка. Мои сборщики отправляются утром на следующий день. Обычно к полудню воскресенья у рабочего больше ничего нет. Он платит тому, кто первый придет, а затем продолжает жить в кредит.

Выяснив, что Пьеру Бернару есть прямой расчет заняться возведением рабочих поселков, исследователь вышел и при свете фонаря стал заносить заметки в записную книжку № 2, озаглавленную: „Мнения“. Начался дождь. Мимо прошла женщина с непокрытой головой, с одним ребенком на руках, другой цеплялся за ее юбку, третий шел сзади шагах в десяти, ведя уже самостоятельное существование и разглядывая что-то на земле. Этот комок грязных тряпок пел:

Дождь идет, моя пастушка.

Пельтье размышлял о героизме этой обремененной матери:

„Народ достоин любви, так как он страдает“.

Он вспомнил о своем благополучном детстве, обеспеченном доходами коммерсанта-отца. Потом разорение, что было бы еще ничего, если бы не сознание, что на тебя смотрят с сожалением, как на сына Пельтье, который уж не разъезжает больше в карете. Какое облегчение очутиться среди чужих людей, которые о тебе ничего не знают! Ах, как горько вспоминать!

„Наше тело быстро свыкается как с богатством, так и с бедностью. Мы скоро приспосабливаемся. Ротшильд мог бы стать каменщиком. Он не умер бы от этого. Но мог бы умереть от мысли, что он был прежде Ротшильдом. Нищета тяжела для нашего сознания. Ее физического прикосновения можно было бы и не почувствовать“.

На следующий день Пельтье получил письмо.

„Господин писатель!

Когда вы ушли, Розали Беке здорово смеялась! Она берет ваши деньги и глумится над вами. Есть женщины, которые больше нуждаются, чем она. Розали только и думает, как бы угодить своему пьянице. Ее муж и его компания—самые большие пьяницы! Она получает вспомоществование от бюро и отдает боны своему мужу, который их пропивает. Вы заблуждаетесь, давая ей деньги и покупая сахар!

Женщина со двора Уи, которая более достойна, чем Розали Беке!!!“

Пельтье начал размышлять, будет ли этот документ полезен Бернару для его обследования. Ход его рассуждений был таков:

„Народ далеко не состоит из святых. Среди народа много женщин, не имеющих достаточно терпения по отношению к своим детям; возчики так же сильно бьют своих лошадей кнутом, как светский наездник—хлыстом; но последний мог бы остаться дома, а возчик должен ежедневно выезжать со двора: ему нужно заработать на хлеб. Народ только передает другим те удары, которыми его награждает нищета. Однако, он велик своим страданием“.

Ему пришло на мысль следующее оправдание человеческой низости:

„Народ — лишь часть человечества, и потому ему свойственны все человеческие недостатки: ложь, распутство, пьянство, а сверх того, еще и грязь. Богач только тем отличается от бедняка, что умывается“.

Он вышел из гостиницы, чтобы продолжить свою работу, и опять заметил надпись, которую часто встречал на окнах кабаков и на телегах, нагруженных двойным рядом боченков: *„Пиво Матэ-Леспаньоля“*. Из разговоров с Бернаром он уже знал имя этого пивовара, которого считал не последней причиной народной нищеты. Он отправился на его завод, находящийся на улице Озе. Войдя через ворота, откуда выезжали грузчики, он наткнулся на рабочего, занятого перелопачиванием солода. Опершись на деревянную лопатку, дюжий мужчина ответил ему:

— Хозяин где-то здесь! Посмотрите в конторе: следующая дверь, спросите господина Леспаньоля.

Обследователь вошел в узкую щель, пробитую в толстой стене, покрытой белой извештой. Кипящий чан наполнял всю залу густым паром, в котором двигавшиеся люди были похожи на призраков. Пельтье отступил к двери, где пивной пар образовал белый полог, мешавший дневному свету проникать в здание.

Из тумана вынырнул молодой человек, одетый не как рабочий. Пельтье решил действовать на манер коммивояжера, фамильярно обращающегося к людям, которых видит в первый раз.

— А, здравствуйте, господин Леспаньоля! У меня есть поручение к вашей фирме от господина Пьера Бернара.

Леспаньоля поклонился при упоминании имени финансиста.

— Мой шурип теперь в Париже, но, может быть, я могу вам быть полезен.

По дороге он указывал те места, на которые надо обратить внимание.

— Здесь ступенька. Направо... Здесь течет.

Из неплотного соединения трубы, невидимой в тумане, сжатом белыми стенами, капала горячая вода на цементный пол; шум капель, напоминающий журчанье фонтана, сливался с бурным рокотом кипящих чанов, высоко поднятых над топками. В тумане мелькало четкое, почти беззвучное движение шатуна паровой машины.

Леспаньоля извинился:

— Тут старое здание; всё уголки и пристройки; но когда пиво имеет уже установленную репутацию, нельзя менять производство. Современные пивоваренные заводы, в которых очень светло, где пар не выходит наружу, а заключен в трубах, всетаки не производят пива такого качества, как наше.

В конторе он предложил Пельтье стул.

— Садитесь, пожалуйста.

Улыбаясь, Пельтье начал свою атаку:

— Мой патрон хотел бы знать, какую роль играет пиво в рабочем бюджете.

Пивовар наклонил голову набок, поднял руки и, стоя в позе распятого, ответил:

— Сказать вам точно не могу. Нашими клиентами являются большей частью буржуазные семьи; у нас очень мало потребителей среди рабочих. У них нет погребов. Держать полбоченка пива в комнате нельзя — летом оно портится. Теперь начали продавать пиво бутылками, и рабочие стали больше покупать.

— Они, значит, больше всего пьют в кабаке?

— Да. Рабочий не имеет наличных; кабатчик же дает в долг, продавая пиво литрами. Пивовар не отпускает в кредит полбоченка или пару бутылок. Мы производим в год около пятидесяти тысяч гектолитров. Наши двести пивных забирают по сто двадцать боченков вместимостью каждый в сто шестьдесят литров. На

четыре боченка, расходуемые пивными, приходится лишь один боченок, забираемый частными клиентами. Пивовар не может жить продажей пива семейным потребителям. Буржуазная семья, в среднем, потребляет полбоченка в месяц.

Пельтье был подавлен.

— Двести пивных? Колоссально! Но это, очевидно, вызывается спросом: ведь тут столько рабочих.

— Да, но тут немало и пивоваров, и в борьбе побеждает тот, кто может открыть больше пивных.

— Итак, — сказал Пельтье, — сведения о потреблении пива рабочей семьей я смогу получить только в самой пивной. Может быть, вы смогли бы...

Он нарочно не окончил фразы. В нерешительном ответе Леспаньоля Пельтье послышалась недоверчивая нотка.

— Я почти не знаю содержателей пивных.

Он открыл дверь в соседнюю комнату, где за решетками звенели пятифранковые монеты кабатчиков, и спросил:

— Господин Мэсс?

Бухгалтер прервал на минуту прием денег.

— Двадцать боченков: пятьсот тридцать восемь франков, — и ответил: — Он на заводе.

Маленький Мэсс прибежал, улыбаясь всей своей красной физиономией. На слова Леспаньоля:

— Вы поведете господина Пельтье в наши пивные, — он с готовностью ответил:

— Охотно: мне как раз нужно на Почтовую улицу в пивную „О Бьен-Асси“, которая продавала только девятност боченков в год. Я туда послал человека, который будет продавать двести.

Пельтье он сказал:

— К вашим услугам.

На улице Мэсс предложил:

— Едем в Вазем? Да?

Пельтье ответил ему на местном же жаргоне:

— Еду вместе.

Дорога подмерзла, и ноги можно было ставить смело. Пельтье решил похвастать знанием особенностей липкой почвы Лилля.

— Клея больше нет!

— Он затвердел; ходить — одно удовольствие.

— Да, вам приходится ходить не мало; шутка сказать — наблюдать за двумястами пивных. Какая тут нужна энергия.

Мэсс объяснил ему характер своей работы.

— Я являюсь, так сказать, полномочным рассыльным завода. Я хожу и отыскиваю новые отделения, сменяю кабатчиков, если они продают слишком мало. Занятие не плохое. Я люблю быть на воздухе. Только приходится пить. Когда я вхожу в пивную, все кричат: „Пришел пивовар! Всем по кружке за его счет“. Но я пью только пиво. Вы пьете пиво?

— О, да!

— Я пью всегда только молодое пиво и только завода Матэ-Леспаньоля: никогда не болит живот.

Он поздоровался с полицейским:

— Добрый день, Жорж! Как дела?

Серый человек, в измятой и сырой от влажного воздуха шинели, прошепелявил подобное же приветствие. Мэсс объяснил Пельтье причину своей любезности.

— С ними надо быть в хороших отношениях. У нас сто кабаков с девицами. Не будь мы в ладах с полицией — не обошлось бы нам неприятностей. Когда в кабаках дерутся и бьют посуду — они являются, но держат себя благородно. Они не мешают работать.

На Почтовой улице, перед кабаком „О Бьен Асси“, которым заведывал Депретэр, Мэсс увидел перевозчика мебели, управлявшего с высоты своего фургона двумя лошадьми, и пригласил его зайти выпить кружку пива.

— Две, — внес поправку перевозчик.

Черноволосая кабатчица, опершись на прилавок, ответила Мэссу:

— Депретэра нет, но он скоро придет; он не задержится. Три кружки?

Они выпили, усевшись под фотографиями Депретэра, его жены и старшего сына в зеленых рамках. Перевозчик залпом выпил свой стакан, так же, как и Мэсс. Пельтье пытался последовать их примеру.

— Еще по кружке!

Перевозчик расхохотался; от смеха он наклонился вперед, и его голова, казалось, готова была удариться о столик одновременно с красным грубым улаком, привыкшим к лошадям.

— Вы имели удовольствие в то утро? А!

Мэсс сделался серьезен.

— Я подоспел в самое время. Они были должны за двадцать боченков пива и за два срока аренды. И еще увозили с собой мебель!

— Они нам велели все нагрюзить: они бы взяли и конторку. Эти бельгийцы — они все воры.

Мадам Депретэр стукнула кружкой по столу и резко сказала:

— Я тоже из Бельгии.

Перевозчик успокоил ее комплиментом:

— О, вы — совсем другое дело; на новый год я вас поцелую.

Он осушил свой стакан.

— Надо идти.

На улице послышался его повеселевший голос, понукавший лошадей:

— Гей! Н-но!

Мэсс похвалил его.

— Это славный парень. Нам надо быть в хороших отношениях с перевозчиками мебели. Когда задолжавший кабатчик хочет удрать ночью, они предупреждают меня.

Депретэр заявила претензию.

— Обои в комнате, что во втором этаже, совсем испорчены. Вы сказали, что их сменят.

Мэсс, казалось, согласился.

— Да. Это Пенель должен был бы за это заплатить. Ну, как с ним?

— Его жена не могла его видеть; говорят, он так плох, что хотел биться головой о стенку. На нем все время смиренная рубашка. Сторожа его избивают, а потом никого не впускают к нему.

Пельтье понял.

— Сумасшедший?

— Сумасшедший от пьянства, — сказала Депретэр. — Он слишком гнался за прибылью.

— Это человек, который раньше пил. Я не знал этого, когда сдал ему этот кабак. Он мочился водкой.

Депретэр вошел и широко открыл дверь трем рабочим, по виду металлистам, одетым в синего цвета производственную одежду. Они немедленно проглотили по кружке. Кабатчик, с широкой бородой над развевающимся галстуком, выслушал Мэсса.

— Депретэр! Этот господин хочет знать, как идет торговля в пивной.

Пельтье счел нужным пояснить:

— Я хочу знать, каково потребление пива в рабочих семьях.

Один из монтеров протянул рядом с кружкой пива свою левую забинтованную руку. Кабатчик переменял посетителям кружки, налил себе небольшую рюмочку коньяку, поправил узел галстука и с горловыми перебивками сказал:

— Гражданин!

Он встал посреди кабака в ораторскую позу, с поднятыми руками.

— Рабочий, выходя из фабрики, в которой его эксплуатировали целый день за нищенскую плату, рабо-

чий, когда он возвращается домой, гражданин, видит там только нищету и страдания. Всю неделю он пьет воду. Он потеет от работы и пьет воду. А у хозяина в погребе есть для себя и своих друзей дорогое вино. Рабочий пьет пиво только в воскресенье. Рабочий класс, гражданин, в гнилой социальной среде, которая его эксплуатирует, гражданин, отдает весь свой труд капиталу, а капитал...

Пельтье, подражая Мэссу, утвердительно кивал головой, так же, как и трое рабочих, которые теперь медленно потягивали свое пиво. Он развлекался видом этого жестикующего горлана, который неохотно прервал свою речь при требовании посетителя:

— Кружку!

Схватившись за ручку насоса и накачивая пиво, как будто бы этот жест вполне соответствовал его словам, кабатчик продолжал:

— Сознательный производитель...

Внезапно открылась дверь, и в комнату ввалился смеющийся человек:

— Что нового?

Вошедший наткнулся на столик, который Депретэр отставил в сторону. Человек потребовал, чтобы столик был поставлен на место.

— Я говорю, что пройду! Поставь стол на место, я тебе говорю!

Он неуверенно тыкал в воздухе указательным пальцем.

— Когда он выпьет,— заметил Депретэр,— он глупее осла.

Человек, наконец, протиснулся между двумя столами и заговорил заплетающимся языком.

— Я ж тебе говорил... осел!.. Кружку!

Он уткнулся в газету, но казался близоруким на один глаз и дальнорезким на другой. Он читал косо: один глаз смотрел на бумагу, а другой гулял поверх нее. Вдруг он обиделся, заметив наступившее молчание.

— Ты не говоришь больше! Можешь говорить: я тоже социалист!

Он приложил свои руки в виде воронок к ушам с большими загнутыми краями, чтобы лучше слышать.

Депретэр, обслужив посетителей, опять продолжал свою речь...

На улице Мэсс потирал руки от удовольствия.

— Десять таких молодцов могут обогатить пивовара. На собраниях, по вечерам он обслуживает двести человек. Он продает полтора боченка. У него всегда много народу. Приходят уволенные, приходят получившие увечье на работе. Этих он направляет к доктору Фьеве, который дает минимум месяц отдыха. Доктор Фьеве богатеет от этого.

— Да, — сказал Пельтье, — но я бы хотел поговорить с кабатчиком, который выслушал бы меня и, главное, ответил бы мне.

Мэсс прищурил глаз по направлению к свежескрашенному кабачку „О Вамбреши“, в котором сидельцем был Васенгов. Там было очень чисто. Время было рабочее и посетителей не было. На подоконниках за белыми занавесками стояли горшки с цветами.

Мадам Васенгов, женщина с впалой грудью и большим животом, улыбнулась при виде посетителей, и глубокие морщины на ее лице разошлись.

— Ну, что, все обстоит хорошо? — спросил Мэсс. — А как ваша дочь?

На худощавом лице кабатчицы проступили от гнева красные пятна.

— Теперь уже дети командуют родителями. Девушке пятнадцать лет, а она ни за что не хочет помочь хотя бы в понедельник и подать несколько кружек, когда вся комната полна посетителей! Пощечин она много съедает, но это не помогает. Мой не ходит на фабрику в понедельник: ничего не поделаешь!

Мэсс одобрил:

— Разве не лучше зарабатывать пять франков дома, чем получать три франка десять су на ткацкой фабрике? Ваша дочь не желает прислуживать в кафэ; у нее нет склонности к торговле. Вы не можете же ее бить так, чтобы всю шкуру спустить. Очень жалко! Если бы прислуживала девушка, посетителей было бы больше. Не принуждайте ее—будет хуже. Васенгов остается на понедельник; он мог бы оставаться всю неделю. Его товарищи по фабрике будут приходить к нему. У Депретэра всегда есть посетители, а он на фабрику не ходит. Хороший кабатчик думает только о своей торговле. Только так и можно зарабатывать деньги. Две кружки и одну для вас молодого пива.

Пельтье, казалось, одобрил его слова.

— Больше ли вы отпускаете пива на дом, чем продаете в пивной? — спросил он.

Кабатчица оторвала свои губы от стакана.

— По вечерам у нас довольно много забирают пива литрами; также на фабрики берут с собой кружки. За ними приходят мальчишки на посылках, но сторожа зорко следят за этим и пропускают не больше одной кружки на двух человек. Эти хозяева, как Кустенобль, например, набитые деньгами, так что они уже им и счет потеряли, мешают по злобе своей нашей торговле; они завидуют нам, бедным людям. Прибыль-то не очень велика, когда продаешь по пять су литр. Продавать кружками выгоднее; из литра получишь четыре кружки — восемь су. В воскресенье продаешь маленькие кружки — семь в литре, тут зарабатываешь хорошо.

Мэсс, растопырив обе пятерни, ухватился за виски:

— Зарабатываете ли вы? Давайте посчитаем. Боченок в сто шестьдесят литров стоит вам двадцать шесть франков девяносто сантимов.

— А расходы! Пять су возчикам за установку в погреб. Два больших стакана водки да кофе; три

кружки пива каждому. Сосчитайте-ка! Боченок обходится в хороших двадцать семь франков.

— Ладно, ладно, — сказал Мэсс, — примем во внимание; литр, значит, вам обходится в семнадцать сантимов. Половину вы продаете литрами по пять су; половину же кружками; считая одинаковое количество больших и малых кружек, получится в среднем пять кружек в литре — десять су. Это дает тридцать франков прибыли на боченок. Два боченка в неделю — шестьдесят франков. А водка?

Женщина поспешно возразила:

— А кофе, который дается бесплатно? А налоги, а газ, а наем помещения, а харчи! Прибыли не остается никакой, никакой!

Мэсс щелкнул по стакану:

— Еще одну маленькую кружку, — и предложил кабатчице средство разбогатеть: — Будь Васенгов половчее, а ваша дочь порасторопнее, вы бы продавали по четыре боченка в неделю. На этих фабриках поблизости от вас работницы все дальние; во время дневного перерыва они все идут в кабак. Вам надо было бы завести механическое пианино и устроить комнату для танцев. У Ферспри есть музыка; днем там полно женщин.

Кабатчица ни о чем не хотела говорить, кроме своих убытков:

— Пивовары нам наносят большой ущерб, разливая пиво в бутылки, четыре су за литр; их доставляют рабочим на дом за наличный расчет. Нам остаются только клиенты, берущие в кредит, — самая плохая публика. По утрам — женьевр; в полдень — обеденное пиво; в такие часы, как теперь, совсем нет посетителей. Для того, чтобы кабак был полон целый день, — нужно быть секретарем союза. Если бы моему мужу дали место Депретэра, я сама сказала бы ему: брось фабрику.

Пельтье спросил:

— Сколько пива потребляет ежедневно рабочая семья?

— Еще кружку, молодого пива, — потребовал Мэсс, — и одну для вас; скажите-ка нам, вы ведь знаете здешние рабочие семьи?

— Возьмем для примера семью Брадеферов, — предложила кабатчица.

Пельтье выразил свое одобрение.

— Вот, вот, возьмем Брадеферов. Сколько у них детей?

— Теперь четыре; один мальчик уже ходит на фабрику; он зарабатывает тридцать су.

— А Брадефер сколько зарабатывает?

— Брадефер — ткач у Кустенобля; он, так же, как мой муж, зарабатывает от двадцати одного до двадцати трех франков в неделю. Он человек непьющий. Заходит выпить рюмку женьевра только по воскресеньям и понедельникам. В будни по вечерам его маленькая дочка часто приходит за кружкой пива. В обед они пьют воду. Иногда Брадефер заходит вечером. Жена ему при последнем гудке иногда говорит: „Я еще не успела посуду перемыть; еще ничего не готово“; тогда он заходит к нам выпить кружку пива.

Несмотря на протесты Пельтье, Мэсс уплатил сам по два су за кружку за все выпитое пиво:

— Когда пивовар заходит в пивную, он должен платить.

Пельтье опять возвратился к своим расспросам.

— Вы ведь знаете еще рабочие семьи, кроме Брадеферов?

— Да, — промолвил Мэсс, — их много в этой части города; можно сказать, тут все население рабочее.

Он начал часто и беспричинно смеяться; слюна пузырилась на его губах; большое количество поглощенного им пива давало себя чувствовать.

Пельтье, тоже распыряемый жидкостью, должен был выйти и, вернувшись, продолжал свои расспросы громким голосом, который удивил его самого:

— Ну, расскажите мне еще о какой-нибудь семье.

Мадам Васенгов положила одну руку на прилавок, а другую к себе на колено.

— Возьмем прядильщика Дирикса. У него трое ребят; старшая девочка нянчит двух младших: у нее совсем нет к ним терпенья; она их часто колотит. Мать тоже работает на фабрике. Он человек непьющий. Утром заходит за женьевром, а вечером выпивает кружку пива, пока жена готовит ужин. В воскресенье он берет пиво на дом на всю семью.

В руках Пельтье была записная книжка № 2 — «*Мнения*».

— Пойдем? — спросил Мэсс.

У Сэлена в кабаке „У Доброго Судьи“ обследователь вытащил свою книжку № 1 — „*Документы*“ и записал полученные сведения. Только к концу страницы он заметил свою ошибку и принялся все переписывать в книжку № 2, несмотря на уговоры Мэсса:

— У вас еще много времени! Чего вы торопитесь? Вы работаете в пивоварном деле? В этой местности в кабатчики лучше всего брать рабочих, уволенных за забастовку; им надо дать кабака около фабрики; хорошо также брать и тех рабочих, с которыми произошло на фабрике какое-нибудь несчастье. Страховые агенты информируют меня. Получивший увечье может потребовать четверть всей страховой суммы, или же всю сумму, если рента не превышает ста франков. Ему выплачивают пятифранковыми монетами. Они звенят по столу: дзинь-дзинь; бедняга никогда не видал такой суммы и, ослепленный, говорит про себя: „открою кабачок“. Я ему даю небольшой кабачок.

— И дело идет? — спросил Пельтье.

— Идет ли? Для кабака нужно или всем известного мужчину, или женщину нестрогих нравов. Секретарь союза может продать свыше двухсот боченков в год. Таким дают кабак с комнатой для собраний. Все секретари союзов — кабатчики. Все члены конфликтных комиссий — тоже. Рабочие охотно посещают кабаки, содержимые последними. У нас пять кабаков, где сидельцами являются члены комиссий. Маленькие кабачки сдают обыкновенно молодой трудолюбивой семье, у которой есть кое-какие сбережения. Женщина должна держать все в чистоте и порядке и уметь ласково разговаривать с публикой, мужчина должен рано вставать, чтобы отпускать утренний женьвер. Оба должны быть благо-разумны и привязаны друг к другу. Каждый год около четырех, пяти таких семей разрушаются. Жены сбегают, мужья спиваются; перестают платить на завод за полученное пиво. Я сам пять лет служил в конторе судебного пристава, и пять лет у нотариуса, так что я-то умею составлять договоры: я заставляю подписывать их обоим, и мужа и жену.

На улице Мэссу то и дело приходилось отвечать на частые приветствия прохожих.

У сквера Фэдэрд, лежавшего у них по пути, Пельтье потер себе лоб и сказал:

— Пожалуйста, будем работать методически. Мой патрон Сеньбос, т.-е., я хочу сказать — Пьер Бернар... Нет, я хочу вот что сказать... Матэ Леспаньоля имеет двести таких домов, как этот?

И он указал на богатое четырехэтажное здание, в нижнем этаже которого был бар с вывеской: *Пиво Матэ Леспаньоля*.

Мэсс скорчил жалостливое лицо.

— Если бы это было наше! Здание принадлежит приюту.

— Да, — сказал обследователь, — приюту.

Но он быстро отбросил эту манеру говорить, подходящую для Гиль Бобб.

— С вами, дорогой Мэсс, мне не надо валять дурака. Какому приюту?

Мэсс был доволен, что может удовлетворить любознательность друга своего хозяина.

— Жанна Константинопольская, графиня Фландрская в... э, я уже забыл, в котором году... Одним словом, сотни лет тому назад она пожертвовала деньги, больницы; затем другие жертвователи дарили дома, земли, капиталы. Пожертвования не прекращаются. Мясник Ванхукло — пятьсот тысяч франков; немало он нам скормил на этот счет гнилого мяса. Имена жертвователей вырезаются золотыми буквами на мраморной доске, у входа в убежище. Больницы Лилля — Сэн-Совер, Ля-Шаритэ — все принадлежат приюту, и земли, и здания; в общем, около сорока, пятидесяти миллионов. Это называют здесь: имущество бедных. Заведуют этим имуществом опытные администраторы; они умеют строить доходные дома.

Пельтье пробормотал:

— Как это было бы приятно узнать Бернару. Поды-хающие с голоду и умирающие в гнусных трущобах лилльские нищие являются хозяевами, правда, подопечными, этого богатого здания с роскошным баром. Имуществом бедняков надо умело управлять. В общем, в мире не так уж много оригинальных мыслей. Лилль-ский приют не хочет рискнуть своим капиталом на постройку домов для рабочих.

Мэсс поделился своими соображениями:

— Это тоже не плохо, но в центре города дома приносят колоссальный доход. Если бы наш завод имел это здание — это было бы богатство. У нас есть дома, но маленькие; около сотни в городе и окрестностях. Остальные нами арендуются. Кон-тракт заключаем мы, и кабатчики обязаны вывесить *„Пиво Матэ Леспаньоля“* и продавать только наш товар.

Кроме этого, есть кабаки, которые, так сказать, совсем нам не принадлежат; и дом не наш, и контракта не имеем. У нас только договор с содержателями о снабжении их нашим пивом. Теперь пивовару приходится самому открывать кабаки, если он хочет существовать. Хмель со ста франков за сто кило дошел до трехсот пятидесяти; солод с двадцати шести — до тридцати пяти. Все увидели, что пивовары зарабатывали, и стали повышать цены на сырье, чтобы вырвать у них свою долю прибыли. Остается только наворачивать на обороте. В этих местностях никогда нет лишних кабаков. Здешний житель и десятка шагов не сделает, чтобы не выпить; необходимо, чтобы кабак был у него под носом.

Пельтье, казалось, плохо понимал слова Мэсса... Он поднял указательный палец.

— А женевр?

— Женевр, — повторил Мэсс, — женевр...

Обследователь хотел развить свою мысль.

— Рабочий... — начал он.

Но Мэсс, уже не слушая его, давал свои объяснения:

— Для женевра и водки тоже есть сидельцы, но здесь надзор уже значительно затруднен.

— Боченки пива все имеют марку *Матэ Леспаньоль*, и когда с завода приходят для очистки пива, ясно видно, что находится в погребе кабака. Если кабатчик добавляет в пиво воду, оно становится слабее и потребители сразу это чувствуют. Содержимое же бутылки водки всецело во власти кабатчика; он прибавляет в водку перечную спиртовую настойку; рабочий любит, чтобы водка жгла. У меня есть кабак около заводов Марэ, который потребляет девяносто гектолитров женевра в год. Здесь пьют и пиво, и женевр. В наших краях употребляют аперитивы. Это все яды. Я же пью только пиво.

— Я был любителем пива, еще будучи судебным чиновником. Оставив свою старую службу, я нашел подходящее себе место. Вначале я немного потолстел. Теперь я, как все люди. Раньше, на следующий после выпивки день, я отхаркивал слизь и желчь, теперь же ровно ничего. Я занимаюсь также и страховкой. Очень выгодно страховать увечья от работы. Самое неприятное — это когда приходится вставать в два часа утра, чтобы налагать запрещение на имущество задолжавших сидельцев, пытающихся ускользнуть ночью. Чаще всего так случается, что все имущество уже погружено на подводы. Я всегда беру с собой полицию, иначе меня убили бы. Некоторые пытались это делать. Однажды в предместье Пост... там живут исключительно фламандцы...

Пельтье больше не о чем было спрашивать:

— Итак...

Мэсс закончил:

— Итак, день прошел. А торговля все время кипит. У меня был только один закрытый кабак; я его сдал вчера человеку, у которого две служанки.

Пельтье заинтересовался:

— Кабаки с женщинами? Но ведь закон...

Мэсс расхохотался:

— Закон! Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло. Наш хозяин тоже занимается политикой. Я хорошо знаю, что полиция должна составлять протоколы, „для того, говорят они, чтобы поддержать статистику“; но если хотят быть спокойным и не бояться полиции, то лучше всего открыть дело на товарищеских началах: все — хозяева, и сам сиделец, и его служанки. Полиция тогда ничего не может сказать... Не сходит ли и нам туда, поискать, не найдется ли чего-нибудь подходящего для нас.

Вытянув руку, он мечтательно сказал:

— Ах, виконтессы...

Это была его мечта.

На улице Труа-Курон, у дверей многочисленных кабаков виднелись женщины с тщательными прическами, украшенными лентами; они соблазняли прохожих своими пышными формами.

Ноги Мэсса сами заплясали.

— Механическое пианино — замечательное изобретение. Раньше в кабак приходили только мужчины, теперь там полно девушек, приходящих танцевать, а вслед за ними являются, понятно, парни. У меня есть в деревне кабаки, которые стали продавать в три раза больше напитков, когда поставили туда пианино.

Он фамильярно, по имени, здоровался со всеми встречающимися служанками кабаков.

— Я им всем говорю: побольше женщин. Пиво Матэ Леспаньоля в присутствии женщин становится еще лучше. Мы обыкновенно заключаем договор на арендную плату в сто франков в месяц; если сиделец, в свою очередь, нанимает девицу, цена увеличивается до трехсот франков. Всем надо жить. Кабатчик не должен зарабатывать больше пивовара. В кабаке, в котором есть расторопная женщина, дела идут блестяще. Недалеко отсюда есть молодая пара. Пойдемте. Муж — механик; сначала он оставался в кабаке на понедельник, потом уже на всю неделю. У жены его есть коммерческая сметка; он же оказался неспособным к торговле — лучше было бы вернуться в мастерскую; но он уже не хочет: тогда я посоветовал жене: сдавайте комнаты в наем. Она взяла служанку и начала продавать на три боченка в месяц больше. В торговле надо принимать быстрые решения и не колебаться. Случалось, что хозяйка сама поднималась вверх в комнаты с посетителем, когда служанка бывала уже занята, чтобы не отваживать клиентов.

— Теперь она берет отступного за свой кабак восемь тысяч франков. Я ей дам кабачок, пришедший

в упадок. Через два года она возьмет за него десять тысяч отступного. Таким способом можно сильно разбогатеть. Сюда являются из деревень и рудников люди со сбережениями, желающие жить в городе, не работая. Они покупают кабак; дело не идет, и они бывают довольны, если им удастся развязаться с ним и получить хоть сколько-нибудь отступного.

Проходя мимо кабака с надписью: „Пиво Эмпа-Дамазе“, он с негодованием сплюнул.

— Дрянное пиво — жесткое. Они его изготовляют из маиса, а для клейкости прибавляют телячьи ноги.

Он вдруг начал жаловаться на свою профессию:

— Вот уже десять лет, как я являюсь, в сущности, цепной собакой пивоваренного завода... Вы не знаете никакой виконтессы? Что вы скажете о хорошем кабачке с добрым пивом и красивыми женщинами? Ничего опасного: когда у нас заводится грязь, я моментально устраняю — нам ходячих аптек не надо. Хорошее пиво, здоровые женщины! Если вы боитесь, то мы только выпьем.

Молодой человек замялся:

— Мне это еще не приходило в голову. Мы-то едим и пьем, а рабочий люд только пьет.

— Если только пьет, — промолвил Мэсс.

Пельтье сделал рукою жест, как бы прося дать ему возможность договорить:

— Виноват, я бы хотел попасть в такое место, где было бы... Нет, это бывает в конторе. Распятие. Это не фабричное клеймо. Есть ли у вас кабаки и бары с распятием!

— В старом Лилле у нас есть попечительство в большом кафе с залой для собраний, как у Депретэра. Когда совершают богослужение, является много солдат, и все с деньгами. Насос ни на минуту не прекращает своей работы. Раз распустили слух, что мессу будет служить сам архиепископ. В кафе протиснуться нельзя

было, столько там было народу. Архиепископ, понятно, не приехал, но торговля шла бойко.

Лицо Пельтье прояснилось. Мэсс посмотрел на землю и спросил его:

— Что с вами? Вы нашли монету?

— Вот,—сказал следователь,—идея бога вызвала развитие кликушества и эпилепсии, его именем прикрывались те, что поджаривали зады инакомыслящим. Здесь ею пользуются в целях уменьшения заработной платы и развития пьянства. Это в высшей степени любопытно. А? Как по-вашему?

Мясистая женщина, опиравшаяся задом о дверь кабака, пригласила их зайти в свою пивную берлогу, но Пельтье в ответ пропел стих из мессы. Он, однако, должен был прекратить свое пение и упоминать Христа, благословляющего кружку пива, ибо Мэсс рассердился.

— Я не люблю шуток над этим!

Пельтье задрал нос кверху:

— Я имею обыкновение работать серьезно. Пьер Бернар...

Мэсс прервал его и опять повторил свое предложение.

— Вы идете? Мы устроим ванну из шампанского... Однажды мне обещали... Но я хочу, чтобы черным по белому было написано: виконтесса. У нее не было бумаг. Это была самая большая шельма, которую я когда-либо видел. А я их видал на своем веку... В общем, я ничего не потерял. Я ей дал небольшой кабак. Здесь нужны женщины. Мы, северяне, любим хорошо поесть и пожить. Хозяева не очень щедро оплачивают работниц, так что немало их становится девками. В Лилле много бедных рабочих: они пьют; но тут также немало и богатых хозяев: они развратничают. Пивовар доставляет и пиво и женщин. Вот как делаются дела!

Пельтье снял шляпу и поднял насколько мог свои веки:

— Будьте добры передать Матэ Леспаньолю от имени Пьера Бернара глубокую благодарность за оказанную ему любезность.

Пельтье пошел по лавочкам Вазема, чтобы самому узнать, каковы розничные цены на товары.

В конской мясной, где, вместе с тем, продавались и спиртные напитки, мясник с блестящим ножом спросил:

— Кружку пива?

Затем сказал:

— Биштекс по шестнадцать су фунт.

Пельтье заметил:

— Ведь это не дешевле говядины.

Он получил следующее объяснение:

— Бычье мясо утилизируется все до последнего кусочка на супы. Из лошадиного мяса супа не делают; оно идет только на жаркое. Продают только лучшие части на биштексы, по шестнадцать су за фунт. Филе — двадцать су.

С явным презрением к этому франту, питающемуся по нищенски, поклонник конины вырезал кусок мяса из жилистой задней ноги.

— Это по десять су; колбасное мясо. Навоз будет еще дешевле. Кружку пива?

Рыхлая бакалейщица долго вычисляла за своим салым прилавком цену фунта масла.

— Фунт стоит тридцать шесть су; нет, подождите, тридцать... тридцать восемь су.

Пельтье подумал:

— Не часто она продает такими большими количествами.

Он приобрел еще фунт кофе за полтора франка и взял еще готовый кулечек с кофе за четыре су, чтобы проверить вес и узнать цену кофе, продаваемого мелкими количествами. Все эти сильно пахнущие свертки мешали ему, и он рассчитывал отдать их, кроме кулька, взятого для проверки, Розалии Беке.

Встретив по дороге монашенку, он изменил свое намерение. Монашенку окружали женщины с ребятами на еще мокрых от стирки руках.

Пельтье поклонился ей:

— Сестра моя, — сказал он, — могу ли я попросить вас передать эти пакеты какой-нибудь нуждающейся достойной семье?

Монашенка, крепкая на вид девушка, с мясистыми щеками, плотно охваченными белоснежной косынкой, согласилась с простотой, доказывавшей большую ее привычку к подобным поручениям.

— Спасибо.

Пельтье продолжал:

— Я тут бываю часто; было бы хорошо, если бы вы мне указали несколько нуждающихся семей.

— Их много. Вам нужно передавать ваши пожертвования отцу Эйшеру. Мы раздаем большей частью бобы: это необходимо.

Пельтье процитировал:

— Сестра... когда мы даем беднякам то, что им необходимо, мы не столько даем наше, сколько возвращаем принадлежащее им.

Монашенка подняла к Пельтье свое мужеподобное лицо, на котором нос занимал не последнее место.

— Отец Эйшер думает, что никто не обязан помогать ближним, если это приносит ему материальный или иной ущерб.

Она кивнула головой в знак признательности и продолжала свою работу так же быстро и добросовестно, как тетка Эннион свою стирку. Обследователь пробормотал.

— Соучастница!

Тут же он сам упрекнул себя за несправедливо-резкое суждение. К нему бегом приближалась женщина, стараясь опередить другую, с ребенком на руках.

— Сударь, нас шестеро, у меня только четыре хлеба, мне нужно хоть сколько-нибудь, чтобы уплатить за квартиру.

Обследователь с строгим видом зашел к ней в комнату, в которой голозадая детвора играла на полу кастрюлей, служившей одновременно для кухни и для игры.

— Я пришел от Общества...

Согнутая просительница заволновалась:

— Я дала на прошлой неделе два су на святого Петра госпоже Деркюисс, даме из патроната. Я даю два су каждую неделю.

Ему пришла в голову мысль, которую он решил немедленно же использовать:

— Да, дамы собирают для святого Петра, но я от благотворительного общества...

Она протянула руку.

— А! Вы от Общества Пяти Ран.

— Да, от Общества Пяти Ран.

По лицу женщины он видел, что она ожидает большой радости. Она начала извиняться.

— Дети не особенно чисты; но это не мое обыкновение; завтра я все перемою.

Он посмотрел на соломенный матрац, на котором были еще углубления от лежавших раньше трех тел. Она сказала:

— Я сегодня выстирала простыню. У нас только одна, знаете. К вечеру она уже высохнет.

Обследователь нахмурился с видом человека, которому необходимо получить точный и ясный ответ на вопрос:

— Ваш муж работает у Деркюисса?

Согнувшись еще больше от резкого тона вопроса, женщина смиренно ответила:

— Да, в ткацком отделении.

— Жена Деркюисса вам помогает?

Она крикнула детям:

— Не стучите!

Затем сложила руки:

— Она делает много добра нам, беднякам. Я получила у нее боны на хлеб и одежду. Я еще не получила простынь; у меня были две простыни; самую старую уже нельзя было выстирать: она расползалась. Я ее разрезала на платки. Двое детей ходят в школу, а там нельзя сморкаться пальцами. Школа — это большие расходы, знаете.

Пельтье храбро продолжал исследовать нищету.

— Вы получаете также из благотворительного общества?

— Да, Деркрюисс дал удостоверение.

— Какое удостоверение?

— Они очень недоверчивы там, в Обществе. Когда им говорят, что зарабатываешь три франка десять су — они не верят; нужно удостоверение.

Пельтье понял.

— Такого содержания, что ли: „Удостоверяю, что мой рабочий такой-то зарабатывает три франка пятьдесят сантимов в день“?

Дети опять подняли адский шум. Женщина подчеркнула неисчерпаемое великодушие благотворителей:

— На большой бумаге с подписью.

У дверей она готова была упасть на колени.

— Спасибо, сударь, спасибо! Досвиданья.

Обследователь подошел к другой ожидавшей его женщине с ребенком.

— Он здоров?

Спрошенная, с морщинами, собравшимися у бровей, ответила так, как будто хотела дать отпор нападению.

— Посмотрите сами!

Развернув ребенка, она показала сухую пеленку и белую кожу.

— Вы видите, кожа не красная; он никогда не лежит мокрый, этот малыш. Он у меня в чистоте содержится, не так, как у других бывает. Если хочешь бегать по городу, то приходится бросать детей. Можете повсюду посмотреть, у меня все чисто.

— Вы уже дали для святого Петра?

— Три су каждую неделю. А раз я дала пять су. Мадам Деркрюисс это хорошо знает. Я не как другие, которые неделями не могут уплатить свои два су, не могут, знаете, сберечь даже два су...

Пельтье должен был прервать ее верещанье:

— Я от Общества Пяти Ран.

На улице он подумал:

„Эти люди усугубляют свои настоящие страдания взаимной ненавистью“.

Остановившись на углу улицы, он записал полученные сведения в книжку № 3 — „Факты“ и направился на ткацкую фабрику Кустинобля. По дороге он разглядывал кучки мусора, лежавшего перед дверьми.

— Много картофельной шелухи, мало бумаги от мясников; мало золы; огонь, очевидно, разводят нечасто. Как они низко обрезают порей. Кухарка Пьера Бернара, наверное, извлекает все, что может, из этих овощей; в срезанной ботве видно еще белое мясо. В особенно жестокие зимы каждая штучка порея стоит су.

Мальчик забавлялся разбиванием пивных бутылок. Обследователь сосчитал.

— Каждая стоит двадцать сантимов. Действительно ли нищета порождает беззаботность и действительно ли бедный неспособен соблюдать такую же экономию, как богатый?

Он пришел к заключению:

„Все идет прахом, если нет надежды. Те, кто собирают, надеются сохранить. Для этих же гораздо спокойнее не думать ни о каких сбережениях. Бедняк щедр из-за нищеты. Те, у кого ничего нет, очень

склонны давать другим и бросать на ветер свои последние гроши“.

Девочка лет одиннадцати с восхищением смотрела на разрушителя. Черные глаза ее сквозь пелену падавших на лицо волос улыбались мальчику, не обращающему на нее внимания. Она поставила на землю ведро с водой, поклонилась в ту же сторону и с видимым обожанием смотрела на мальчика. Пельтье вспомнил прогнанных завоевателей.

„Севильская кровь течет в жилах дочерей этого народа. Испанский католицизм был прав: держать женщину на коленях, чтобы она не улеглась на спину“.

На улице Стасьон он приподнял шляпу, встретив детский гробик на руках двух носильщиков. Во главе быстро шагал здоровый кюре, стихарь которого из накрахмаленного тюля сгибался прямыми складками при каждом его движении. Он быстро произносил слова похоронной молитвы: „*In paradisus...*“

„Отец Эйшер“, — подумал Пельтье.

Процессия ускоряла шаги. За маленьким гробиком шли в ряд четверо мужчин, сохраняя воинский порядок; за ними следовала группа женщин, казавшихся связанными одна с другой, так как все держались за руки.

Сзади плелись еще двое мужчин с мальчиком посередине. Они вдруг ускорили шаги, чтобы догнать кортеж, и потащили с собой мальчика. Заняв свое место среди процессии, они опять пошли своим обычным шагом и снова отстали. Ребенок, довольный тем, что его не тянут за руки, остался поодаль — в гуще жизни, которую счастливый мертвый больше уже не должен был сносить.

Рядом с Пельтье шагал какой-то человек, искоса поглядывая на него. Обследователь ожидал, что неожиданный спутник заговорит с ним, но, не дождавшись, заговорил первый:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — ответил тот и поднес к своей каскетке руку в синем рукаве.

Пельтье обратился к нему с обычным вопросом лильцев:

— Что нового?

— По-моему, все идет хорошо.

Смущенный поведением этого человека, который сам в волнении тербил свои усы, Пельтье вежливо спросил его на хорошем французском языке:

— Могу я вам чем-нибудь быть полезен?

В ответ он услышал:

— Теперь мы не знаем, кто вы такой, какая вы птица. Я — Эннион, из Партии. Вы ходите по нашим квартирам и спрашиваете, дорога ли жизнь. Это все дело Партии. То, что говорят, должно раньше проходить через комиссию.

Эннион указал на мальчика, ловко ставшего на руки ногами кверху у стены.

— А потом, когда понадобится, можно все собранные данные поставить вниз головой, да так искусно, что ни к чему не придерешься. Вы ходите по домам вместе с монашенками. Не у кюре надо справляться о домах достойных людей. Человек, у которого есть сознание, не спрашивает у кюре, что ему надо сделать. Религия хороша для тех, у кого нет сознания...

У входа на двор Уи, Гилль Бобб, с белой тряпкой на черной голове, сметала мусор в канаву. Женщина схватила обследователя за руку.

— Маленькая Амели Вакренье умирает. Вы не пойдете?

Пельтье принял мрачное приглашение и увидел ребенка в кровати коричневого дерева в глубине комнаты; топила печь; свежая, окропленная водой роза в чайном стакане украшала своей сверхъестественной красотой убогое жилище. Чья жалость принесла ее сюда? Пельтье

с умилением смотрел на неожиданный цветок, и невольно вспомнил перец на мраморных каминах Пьера Бернара. Деревянные четки, перебираемые руками сидящих в комнате женщин, издавали сухой стрекочущий звук, напоминая насекомых. Кто закашлялся наверху? Тетушка Васенг? Кто-то спросил:

— Это ее отец?

— Его нет, — сказала Гилль Бобб, — за ним пошли в ткацкую.

По изрытому морщинами лицу Розы Вакренье медленно ползли слезы, попадая ей в рот. Своей серой рукой она гладила умирающую девочку по лбу, такому бледному и худому, что кожа плотно облегала череп и обрисовывала его.

На дворе послышался рожок угольщика и хриплый от водки голос скупщика костей.

Пельтье смотрел на светлые волосы девочки, рассыпавшиеся завитушками по грязной подушке. Живыми в ней оставались только глаза, такие огромные на мертвенно-бледном лице; они тоже уже заволакивались, но еще медленно двигались в орбитах. Кашель, неожиданный для всех, заставил ее от боли закрыть веки. Подняв их снова, она повернула глаза к бледному окну, выходящему на обнесенный стеною двор. Пельтье перехватил этот взгляд, уже терявшийся в бесконечности. Ребенок, которого смерть держала за руку, как няня, собирающаяся вести его на прогулку, пошевелил губами. Молодой человек не верил своим глазам. Как там громко кашляли наверху! Да, бледный рот ее сложился для поцелуя. Он наклонился над девочкой под шопот женщин:

— Она уже без сознания; она думает, что это ее отец; она хочет поцеловать его.

Он дважды почувствовал на своей щеке прикосновение губ умирающей. Этот смертный поцелуй связался в его памяти с удушливым запахом, выделявшимся

из грязного постельного белья. В ушах у Пельтье звенело. Как душно было в этой комнате! В углах валялась одежда, под столом кастрюли. На плите шумела кипящая вода.

Пальцы девочки перестали царапать одеяло. Все женщины разом заплакали.

Пельтье схватился за лоб.

Кто это говорит? Он сам? Но у него так сдавлено горло. На дворе от свежего воздуха он пришел в себя и привел в порядок свои мысли:

„Кустенобль ждет меня“.

Но указательный палец Гилль Бобб крючком зацепил его с порога комнаты умершей.

— Надо бы пойти к плотнику за гробом. Ее футляр, как говорится.

— Я иду.

Он нашел мастерскую плотника в громадном доме с тремя дворами, черная земля которых была истоптана детскими ногами. Низкие деревья, соединенные веревками для просушки белья, ввели в заблуждение Пельтье. Он подумал:

— Они не очень стары.

Гробовщик нищих был более осведомлен относительно возраста этой чахоточной зелени.

— Через пятнадцать лет они стали немного меньше, чем во время посадки. А дом построен еще до войны. За гробом пройдите, пожалуйста, в канцелярию благотворительного общества. Я отмечу длину; восемьдесят пять пойдет: эти дети невелики.

Обследователь заметил на стене доску для записей. Рабочий объяснил ему значение красовавшихся на ней цифр.

— Это итог прошлого года: 1.634 гроба, изготовленных мною, и у меня еще есть запас; работы уйма!

Вдоль стены на свежих стружках стояли готовые гробы — от самых больших до гробиков для грудных младенцев.

Пельтье польстил ему:

— Да, это работа. Вы разрешите!

49	длиною	1 м.	95.
335	"	1 м.	85.
375	"	1 м.	75.
72	"	1 м.	65.
3	"	1 м.	55.
11	"	1 м.	45.
6	"	1 м.	35.
27	"	1 м.	25.
18	"	1 м.	15.
66	"	1 м.	00.
156	"	0 м.	85.
408	"	0 м.	75.
108	"	0 м.	55.

Рабочий расхвастался:

— Тут спать не приходится: гробики в пятьдесят пять сантиметров — это для мертворожденных, в семьдесят пять — для маленьких детей; такие гробики — только подавай!

— Спасибо, — сказал Пельтье, и не успел захлопнуть дверь, как плотник уже опять начал строгать.

Приготовив свою записную книжку № 1, он отправился в мэрию, где получил следующие сведения:

Смертность по кварталам в возрасте от 0 до 1 года за 1911 год:

В домах Уи, Вазем	23,68 %.
Эскерм	23,93 %.
Кантеле (квартал прядильни Декрюисс)	33,33 %.

В раздумьи он повернул к богатым кварталам города. На щеке он ясно чувствовал поцелуй умиравшего ребенка. Стук пальца по стеклу привлек его внимание к окну кафе „У друзей“, занавеску которого приподымала женщина в красных лентах.

Он пошел вдоль канала Бас-Дель, в который вливались все сточные воды. На черной поверхности воды лопались пузырьки газа, подымавшегося со дна медленно текущего потока нечистот. Вонь, распространяемая каналом, смешивалась с густым дымом, застывшим над городом, окутанным тьмой. На берегу канала подымались столетние стены богадельни, в которой жили полторы тысячи бедных стариков.

Отсюда выехал фургон, распространявший запах хлебопекарни; рессоры сгибались под тяжестью дарового хлеба. Пельтье знал, какое количество выпекается в год десятью булочниками, работающими в две смены днем и ночью — всего 1.173.109 килограммов, из которых 748.043 килограмма распределялись благотворительным бюро по домам. Пельтье справедливо рассудил, что к этому количеству надо прибавить еще хлеб, раздаваемый другими благотворительными учреждениями и богатыми семьями, вывешивавшими такие объявления: *«Такого-то числа будет происходить распределение хлеба между бедным населением»*.

Высокая каменная стена богадельни, украшенная изображениями солнца с человеческим лицом, была до самой черепичной крыши изъедена плесенью, как проказой. Из ворот выходили согнутые старики в темносиних плащах. Старушки ходили попарно, помогая друг другу. Их волочащиеся ноги шаркали по свежей траве, прораставшей между булыжником мостовой. Эти немощные люди составляли гордость Лилля; однообразная форма их одежды свидетельствовала о неустанном усилии города не дать своим беднякам умереть с голоду.

Пельтье следил за ними, пока они медленно удалялись между мрачными закоптелыми стенами. На бессолнечном небе никакого узора: одноцветная свинцовая пелена. Взгляд молодого человека упал на большую

белую массу, протестующую своей бодрой белизной против мертвящего серого оцепенения. Каменный Аполлон подымал свою лиру над толпой музыкантов с кифарами, кимвалами и барабанами.

Пельтье вспомнил:

„Новый театр: пять миллионов, гордость города“.

Ему почудилось, что перед ним труп Амели Вакренье, принявший вид белоснежной каменной статуи. Мертвый ребенок, казалось, превратился в одно из украшений фасада, где какая-то статуя держала опрокинутый меч, в виде распятия, поднятого над благочестивым и вонючим городом. Струйки дождя уже начали свою работу над новым зданием, покрывая выпуклые места темными пятнами — предвестниками будущей мрачной окраски всего сооружения, так контрастирующего теперь своей белизной с общим тоном города.

„Город украшает себя новой шляпкой за пять миллионов, пряча свои грязные ноги в Ваземе и Сэн-Совере. Какое варварство, до такой степени предпочитать украшения чистоте!“

Кирпичная башня новой Торговой Биржи возвышалась над фасадом, украшенным статуями; стесненное соседними домами здание театра утрачивало свою величественность. Пельтье удивлялся такому безвкусному нагромождению на небольшом клочке земли:

„Они тут по уши завалены камнями; весь так называемый „шикарный“ квартал, около вокзала, забит плитняком. И ни одного дерева, единственной прелести этого города, где все чернеет, кроме зелени: она-то здесь еще могуча, благодаря влажной почве! Для борьбы с колоссальной смертностью детей, одного на трех, они учредили „Каплю Молока“. Молоко, отсчитываемое каплями! Вся эта куча камней, украшенная всевозможными банальными статуями (они ничего не упустили), может ли она возместить смерть Амели Вакренье?“

„Им гораздо важнее иметь на величественных фасадах толстощеких каменных младенцев, чем оздоровить народ, погибающий в своих смрадных лачугах“.

Привычка к самоанализу подавила возникшее в нем возмущение.

„Неужели вся эта нищета послужит только для того, чтобы вызвать во мне приступ красноречия, как у Пьера Бернара она вызовет еще один социологический опыт“?

Человек в рабочем костюме остановился около него, и с довольным лицом спросил:

— Вы еще не видали нашего нового театра?

Пельтье ожидал от этого рабочего таких-же мыслей, какие возникли у него, но тот был исполнен местного патриотизма:

— Он очень красив; подумайте, каждое воскресенье там будет пятьсот бесплатных мест для рабочих. Но нужно было бы еще давать по кружке пива и табаку. Нет ни одного города на севере, который имел бы такой театр. Наш город — столица севера.

В одно воскресное утро Пельтье решил отправиться в Вазем за розданными им записными книжками. В трамвае сидел кирасир в хорошо пригнанной шинели, с видом человека, случайная одежда которого не соответствовала его рангу, принижала его. Его собеседник, мужчина в скюртуке, стоял, но в позе сидящего человека, прислонившись спиной к стенке и далеко отставив ноги. Рука его в светлой перчатке опиралась о дорожную палку, с металлическим набалдашником. Его красное лицо, покрытое прыщами, казалось еще шире от сдвинутой на затылок шляпы. Он сказал:

— Здравствуйте. Ну, что нового со вчерашнего вечера? Вернее, с сегодняшнего утра? Мы до пяти часов... Я иду к обедне.

Кирасир таким же кратким и невыразительным образом дал понять, что и он не глух к божественному призыву.

— И я пойду... А после на футбол.

Они поздоровались с Деркюиссом, который, стоя между первым и вторым классом, загромождал своими широкими плечами проход. Он добродушно обратился к Пельтье.

— Как ваши дела?

Обследователь заметил по другую сторону перегородки женщину с черными завитками волос, спускаю-

щимися к тонкому носу. Ее губы казались полными, благодаря широко разрезанному рту, привыкшему к вздохам. Она смахивала слезы со смуглых щек. Спиной к ней ребенок прильнул к стеклу, с важной серьезностью разглядывая улицу. Пельтье увидел символ в деревянной перегородке, разделявшей столь отличных по своей жизни Деркюисса и женщину с неизвестным горем. Была ли она работницей на фабрике, которую Деркюисс отгородился от нищеты?

Пельтье поклонился.

— Я надеюсь удовлетворить Бернара, благодаря содействию, оказанному вами и другими особами, Матэ Леспаньолю...

Выражение удовольствия погасло на лице Деркюисса.

— Вам бы не следовало обращаться к Матэ Леспаньолю, — и он с несвойственной ему горячностью принялся объяснять причину своей нелюбозности:

— Я скупил весь участок земли, прилегающий к моей фабрике, чтобы избавиться от близости кабаков. Одного кабака я не мог купить, так как Матэ Леспаньолю предложил в шесть раз больше против моей цены. Его бы ничего не остановило. Он построил два кабака. Ему трудно распространиться, я его тесню со всех сторон; но он готов открыть еще два в подвале и два наверху. Он нагромождает их, чтобы спаивать моих рабочих. По понедельникам у меня из трех станков один не работает, и деньги, которые я теряю, переходят к пивовару.

Пельтье добавил масла в огонь:

— Матэ Леспаньолю произвел на меня впечатление человека со здоровыми мыслями.

Фабрикант заговорил спокойнее.

— Я очень уважаю идеи Матэ Леспаньоля, и вполне их разделяю. Моя супруга работает совместно с мадам Матэ Леспаньолю в благотворительных обществах. Однако, я нахожу, что не надо принимать такое большое участие в их делах. Аббат Эйшер, несомненно, оказывает нам

большие услуги. Но промышленник заинтересован в том, чтобы самому распределять то, что он жертвует неимущим. Это сближает его с рабочими. Надо обеспечить себе свой контингент. Я совсем не желаю оказывать помощь рабочим моих конкурентов. Разумный хозяин в наше время сам занимается благотворительными делами. Если бы я только мог застраховать себя от алкоголя, как я страхую себя от огня!

Обследователь выступил с критикой:

— Обеспечить себя контингентом рабочих — это прием, к которому прибегают во время голода. Даже для чистой работы не хватает женских рук. Это симптом угрожающий.

— Вы знаете, в чем дело, — сказал Деркюисс, избегая смотреть собеседнику в глаза. — Но если бы религии не был нанесен такой удар, у нас не было бы недостатка в рабочих руках. Теперь у нас нет достаточно выбора, чтобы мы могли выставить за дверь пьяниц. Приходится оберегать их от пьянства. Я хотел бы, чтобы все кабатчики умерли с голоду в опустевших кабаках. У нас в Рапингеме есть маленькая красильная фабрика. Это городок ткачей. Пивовары утруждают цену, лишь бы иметь все участки, прилегающие к фабрикам. Они скупили все дома. Новый рабочий может получить в них квартиру, только став кабатчиком. Отец Эйшер слишком снисходителен к пивоварам. Я знаю, что они много жертвуют, но для нас это бич.

Фабрикант сошел у церкви, а Пельтье стал размышлять:

„Эти почтенные господа промышленники, кажется, способны лишь дешево покупать и дорого продавать. Густота населения и близость топлива создали их состояние. Они ничего не изобрели. Станки на их фабриках немецкие или английские. Промышленники истощили это искони земледельческое население и не в силах его восстановить. Теперь, когда не хватает рабочих рук,

и станки стоят, они не находят ничего лучшего, как раздавать милостыню и строить ограды, чтобы удержать взаперти своих последних рабов“.

Обследователь очутился на площади Четырех Дорог, где происходил какой-то торг; он заметил, что среди густой толпы было мало женщин. Он собирался даже пройти, не спрашивая цен, когда его остановил крик:

— Зяблики, зяблики!

Он понял, что здесь торгуют животными для игр. Торговец просил пять франков за молодого петуха, который спокойно терпел, когда его щипали за перья и гребень. Какой-то рабочий с обожженным лицом, от которого пахло льном, предложил:

— Четыре франка десять су.

Торговец не хотел так много уступать.

— Пять франков без пяти су. Поделим прибыль пополам.

Затем он обратился к бельгийцу, любителю голубей. Прядильщик выслушал совет какого-то прохожего.

— Это слишком дорого. Его еще надо лечить от парши.

Лапки петуха были покрыты проказой. Рыжий усач навалился своим пивным животом на клетку с четырьмя голубями. Торговец крикнул:

— Голуби смешанной римской породы. Четыре франка пара.

Собака-крысоловка, которую вели на цепочке, лаяла на собак в клетке, страдавших от неподвижности. Любитель собак похвалил крысоловку.

— Славный пес!

Продавец открыл собаке пасть.

— Да, хорошая порода.

— А быстро бегают?

— Еще бы!

Любитель издал неприличный звук.

— Скажи ей, пускай догонит.

Затем он указал на человека-крысолова, имевшего большой успех.

— В воскресенье он поймал одиннадцать штук в одну минуту. Он работает почище собаки. Сегодня он будет ловить в Тар-Веню.

Крысолов при воспоминании о кружках пива, которыми его угощали, изобразил на своем лице, со следами крысиных укусов, слюнявую улыбку. На приветствие он ответил, как человек, привыкший к аплодисментам.

Больше всего народу толпилось перед зяблями „по восемь су“. У кривого торговца из вытекшего глаза шел гной, и он выкрикивал kloкочущим слюною голосом:

— Пожалуйте, любители!

Он держал, как образец, одну из птичек за хвост и крылья и, запрокинув ей голову, раздувал своим спиртным дыханием перья на ее грудке, чтобы показать ее здоровую кожу. Какой-то человек, с бледным от пара или пыли лицом, оценивал их.

— По шести су.

Торговец поднял свой глаз:

— Они мне стоят по шесть. А корм, а уход? Надо же хоть су заработать. Два за четырнадцать.

Любитель согласился и стал указывать торговцу, пока тот выбирал ему перепуганных птичек:

— Вот этого... нет, этого!

Потом он посадил их в маленькую клетку, прикрытую газетным листом. Как истый любитель птичьего пенья, он был за темноту; дома проколет им глаза раскаленной булавкой, чтобы они лучше пели.

Сквозь светлые стеклянные, обрамленные темным кирпичом, окна фабрики виднелись неподвижные ремни. Люди употребляли свой досуг на мученье животных. Четырнадцатилетние рассыльные накрывали птиц своими темными платками. У некоторых кабатчиков, любителей птиц, за раздвинутыми занавесками видны были рас-

ставленные на столах клетки. В больших тростниковых клетках, развешанных по стенам, заливались маленькие птички, покрывая шум пьющей публики. Кабатчик проворно разносил оловянные кружки между полированными столиками с надписью: *пиво Матэ Леспаньоля*.

Пельтье показало, что на лицах людей, выпускавших изо рта вонючий дым, и на мордах крысоловок было то же жестокое выражение. Воскресенье во Фландрии— это день мученья животных.

Он подумал:

„Любители мучить животных держат эти маленькие нежные создания в своих руках, которые зяблям кажутся чудовищами. С своей стороны, господа Деркрюиссы, Матэ Леспаньоли и Уи, эти духи фабрики, алкоголя и трущобы, так же безжалостны к людям, которых они держат в цепях своим чудовищным богатством“.

Но тут он сам себя прервал:

„Я уже однажды допустил такую ошибку. Я явился сюда не за тем, чтобы хныкать. Желания Бернара и требования моего метода таковы, что я должен рассматривать рабочего, как естествоиспытатель рассматривает лягушку, распластannую на стекле. Не жалость, а внимание. Единственное достоинство моей работы — это ее точность. Какой материал дает мне этот рынок?“

Он отметил в графе 25 — „удовольствия“:

Зяблик, 0,40. Петух боевой от 5 до 20 франков. Почтовые голуби, пара от 1,40 до 4 франков. Снигирь — 1 франк. Он понимал, что сведения эти неполны.

В день покупки зяблика, любитель выпивает кружку пива. А сколько он тратит на пари, собрания, передвижение, конкурсы? В воскресенье 3 ноября он потратил на зяблика восемь су. Но по-настоящему следовало бы записать, во что любителю зябликов обходится это удовольствие в год.

Проходящий мимо петушник держал в белом холщевом мешке петуха и выхвалял его:

— Он на ногах прошел все расстояние от Кантэле до Ламберсара. Мы шли с двух сторон, а третий подталкивал его сзади.

Покинув площадь, где страдали животные, обследователь пошел по улице Жюлье, наполненной толпой, свободной от труда. Громадные пустые здания фабрик, где замолк шум станков, прислушивались к однообразным звукам музыкальных ящиков, доносившимся из кабаков.

Под вывеской „Здесь можно ночевать“ происходила продажа вещей, оставленных в залог за пиво и ночлег, — большого рубанка и разных инструментов. На стене висела афиша: „Сегодня бал“. Какой-то человек положил на прилавок свою кепку и взамен ему подали стакан. Пельтье понял, почему кабатчик торговал тряпьем. На гвоздях висели куртки, попадались и юбки.

По улице проходил пьяный, чередуя поспешные шаги с внезапными остановками. Толпа, в которой кричали дети на руках у матерей, не обращала на него внимания. Он чуть не наткнулся на крепкую девушку с ярко-рыжими волосами, которая не шевельнулась с места, но, миновав ее, нацелился на дверь, пред которой стояли корзины с пореем. Не в силах сделать ни шага в сторону, он отходил назад и снова устремлялся вперед, чтобы преодолеть препятствие из овощей. Группа детей молча смотрела, упадет ли он. Но ему удалось осилить преграду и, ввалившись в дверь, он толкнулся о прилавок. Лавочник посоветовал ему:

— Возьми кружку. Тебе станет лучше.

На одном кабаке была вывеска: „Игра в пробку“, на другом: „Стрельба в цель“. Туда входили люди, держа лук в медной оправе. Обследователь подумал, что в графе 25 ему бы надо было прибавить следующие статьи расходов: „стрельба из лука“, „игра в пробку“.

В конце улицы чернел Ваземский рынок. Пельтье купил там дешевых конфет. Потом, столкнувшись еще с одним пьяным, он уступил ему дорогу; на человеке

были следы двух падений: шишка на лбу и царапина на носу, кровь из которой смешалась с грязью, густым слоем покрывавшей его с ног до головы. Вывалявшийся по канавам, грязный, весь в ушибах, человек улыбался. Лицо его было веселее, чем у играющего ребенка. Пельтье удержал его от нового падения и, восстанавливая его равновесие, испачкал свою руку. Он вытер ее, чтобы поздороваться с Эннионом, который изобразил на лице улыбку:

— Он будет изрядный врун, если попробует утверждать, что не пьян?

Обследователь сказал серьезно, взвешивая каждое слово:

— Отчего бы вам не объединиться против такого явления? Вы, ведь, солидарны. Надо изгнать пьяниц, иначе они и их дети уничтожат вас. На таком фундаменте вы строите ваш идеал. Чистота не воздвигнется на грязи. Никто еще не сказал вам: для того чтобы победить, бедняки должны уметь отказывать себе, и прежде всего, отказывать себе в пьянстве.

Эннион посмотрел на него внимательно, как будто с проблесками понимания. И вдруг резко повернулся.

— Досвиданья.

Молодой человек продолжал размышлять.

„Они дорого заплатят за алкоголь... до седьмого поколения. Они говорят: революция, но для революции они еще не созрели. Может ли измениться общество, члены которого любят ненависть и употребляют алкоголь? Они, как сосуды, наполненные нечистотами, переносят в будущее нашу исконную грязь. Они говорят о справедливости, но в них нет никаких данных для ее воцарения. Эти спорщики, пьяницы, любители наживы, говорят: мы несем в себе семя грядущего. Но их зараза перейдет к детям их детей“.

Перед двором Уи стоял высокий фламандец; прислонясь к стене, он выставлял свою серебряную цепочку.

— Лъективу,—подумал Пельтье.—Он поздоровался, назвав его по имени. Тот ответил:

— Здравствуйте вам.

С опустелого двора видно было, сквозь окна с поднятыми занавесками, как девушки с худенькой грудью умывались над деревянными лоханками. Обследователь постучал у двери Розали Беке:

— Кто стучит? Войдите.

Она причесывала девочку, которая сопела и смотрела на вошедшего не столько полузакрытыми глазами, сколько широко-раскрытым ртом. Беке предложила обследователю сесть и еще энергичнее взялась за прическу девочки, которая запротестовала:

— Ты тянешь, ой, ты тянешь! — и окончательно закрыла глаза.

Пельтье дал ей в утешение Ваземских конфет и приступил к делу.

— Ваша записная книжка!

Беке вынула книжку из ящика тщательно вымытого стола. Покончив с прической девочки, она достала из-за занавески корзину с овощами и принялась чистить репку с бледно-лиловой кожей. Он спросил:

— Вы записываете недельный расход цикория 0,40. Это фунт!

Она ответила:

— Да, столько уходит.

Она насыпала на плиту свежего песка. Пельтье с удовольствием заметил, что не испытывает никакого гадливого чувства к этой убогой обстановке, где с исключительным искусством соблюдалась чистота. В единственной комнате делали все, и никаких следов не было видно. Он не удержался от похвалы:

— Вы заслуживаете уваженья.

Опуская репу в котелок, она заявила:

— Сегодня у нас мясо.

Он сказал:

— Да.

Она заметила:

— Воскресенье.

Он понял, что она оправдывается, и подумал:

„Они внушили народу боязнь мяса и желание скрывать его употребление“.

Потом он начал подсчитывать:

— Ваш муж получает три с половиной франка в неделю, это двадцать один франк. А между тем, ваш недельный расход составляет двадцать девять франков.

Она ничего не возразила против такой точности.

— Я записала все. Там и хлеб из благотворительного общества, и молоко. Немного одежды я получаю от дамы — из патроната. То там, то здесь нам перепадает кусок. Вот это красивое зеленое растение моя дочь получила в школе.

Причесанная девочка добавила:

— Мне дали еще цветную бумагу, чтобы обернуть вокруг. Розовую. Мадемуазель говорит, что дома должно быть красиво. И что надо обертывать розовой и голубой бумагой.

Обследователь услышал в этом отзыв теорий Бернара.

„Сопричастие к прекрасному... Сюда бы подошло украшение огнем. Трущоба в пламени. Отчего в школах не говорят о святости пламени очищающего?“

Когда он собирался уже пойти за остальными книжками, Розали Беке сообщила ему:

— Жена Лъективу, бельгийца, и Роза Вакренье и остальные не хотели записывать в книжки. А Амели Эннион ее муж сказал: „я не хочу“. Тогда Гилль сказала: „надо обязательно записывать. Два франка в неделю, да еще рюмочка, которую предложит наверное этот господин“. Тетке Лъективу записывал все мальчик Эннион. А сын Копеноль не умеет писать. Его мать говорит, что у нее никогда не было порядочных сапог,

чтобы пустить его в школу. А чтобы его видели без сапог, она тоже не хотела. Она, знаете, тоже из гордячек.

Он направился к выходу:

— Пойду за своими книжками.

Но она остановила его:

— Их тут нет. Гилль Бобб забрала их. Она сказала, что вы больше не придете, и что надо получить с вас по два франка, и она знает, где вы живете, и пойдет к вам за деньгами. Теперь она не живет тут. Она переехала в старый город. Когда-то она жила уже в старом Лилле. Она, знаете, хитрая. Одна только тетка Копеноль не хотела ей отдавать свою книжку.

Он почувствовал себя стесненным перед этой деятельной сотрудницей Бернара и упрекнул себя в том, что теперь, когда она уже больше ему не нужна, ему не о чем с ней говорить.

— Госпожа Копеноль дома? Не беспокойтесь...

Подойдя к двери № 7, куда его сопровождала Беке, он услышал грубый голос толстого Копеноля.

— Что?

Желтые худощавые руки тетки Копеноль двигались среди белых выстиранных тряпок.

— Это тот человек, за своей книжкой.

Копеноль грубо позвал следователя.

— Ну, ты, заходи!

Потом, взяв его под руку, повел в уборную и указывая пальцем на дыру без крышки, сказал:

— Твоя бумага? Вот где ей место.

Пельтье, слегка побледнев, заметил с упреком:

— Вы неправы. Я не имел против вас дурных намерений.

Собрались женщины; тетка Вассэнг держала оробевшую девочку, которая уткнулась лицом в ее колени.

Розали Беке выступила вперед:

— Оставь его, оставь, говорю тебе!

Копеноль злобно засмеялся:

— Слушаю.

Загородив Пельтье дорогу, он приступил к своему вопросу:

— Откуда ты явился? Что тебе надо? Тебя здесь никто не знает.

Выдерживая нападение, Пельтье хотел смягчить его своей искренностью:

— Я явился сюда по поручению человека, который интересуется рабочими.

— Скажи тому, кто тебя послал, что он г...о! Я так и написал!

Пельтье улыбаясь, представив себе, как он добросовестно передаст Бернару эту часть анкеты; но тут же увидел два мускулистых кулака у своего лица.

— Ты еще смеешься надо мной!.. Ты пришел посмотреть, не зарабатывает ли рабочий слишком много. И что он ест! И что он пьет! Я тоже пойду к тебе домой и буду расспрашивать твою жену, что она тебе готовит к обеду! Тартинки или сбитые сливки. Слава богу, рабочему уже нельзя спокойно распоряжаться своими несчастными грошами: я тоже желаю знать, сколько ты зарабатываешь! И сколько зарабатывает тот, кто тебя послал. И посмотрим, кто из нас большая свинья.

Бельгиец Льеживу наслаждался этим спором. Его веснушчатое лицо оставалось неподвижным, и только изредка он подвигивал, чтобы подзадорить. Розали Беке подошла вплотную к Копеноль и, удерживая его, советовала Пельтье:

— Уходите-ка лучше, уходите.

Обследователь отстранил ее и снова вступил в борьбу. Его неуверенность проистекала не из сознания физической слабости, а от нетерпеливого желания найти оправдание своей работе. Он мог бороться против

жалости, но пред лицом логики он чувствовал себя безоружным. Итак, он видел необходимость опросить Бернара.

Графа 15. Мясо: сколько стоит филей.

Графа 23. Квартира: сколько стоит ваш особняк?

Графа 25. Удовольствия: а клуб, который является вашим кабаком?

Он сказал:

— Вы правы.

После этого признанья, сделанного перед лицом всего двора, Копеноль убавил злобы и только разразился демоническим смехом:

— Скажи тому, кто тебя послал, что мне плевать на него.

Пельтье пришел к выводу:

— Я не имею права оставаться здесь.

И удалился, размышляя:

„Невозможно быть добрым богачом. Быть богатым — уже преступление. Наделенный от природы скудным умом, Бернар является обладателем большого состояния. Он отличается от Деркрюисса, любителя покушать, лишь тем, что берется прожить на три франка в день. Его три франка в день обеспечены ежегодным доходом в пятьсот тысяч франков. Он не пьет вина, но ставит его на стол. Отвращение к богатству еще не бедность. Он не хочет наслаждаться своей рентой и занимается благотворительностью так же, как и его жена музыкой. Он развлекается сонатой нищеты. Но вот возмездие:

Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому заслужить доверие бедняка“.

Палермо, 30 ноября.

Милостивый государь!

Как у вас обстоят дела с моим обследованием? Много ли вы собрали материала? Было бы хорошо, если бы вы поспешили присылкой собранного.

Я узнал, что Агокс производит в Лионском округе такое же обследование, какое затеял я! Зная его обычную неповоротливость и тяжеловесность его методов работы, а равно и недостаточность его средств, не позволяющих ему распространить свое обследование на всю Францию, я не особенно беспокоюсь. Сопоставление наших социологических трудов будет безусловно в мою пользу, но необходимо, чтобы я предупредил Агокса, иначе он припишет себе идею, которую узнал от меня!

Я собираюсь, поэтому, предпослать моему обследованию статью, для составления коей мне нужны некоторые сведения, которые я надеюсь получить у вас и других моих сотрудников в ближайшее время.

Кроме того, по возвращении из Сицилии, я сделаю сообщение в Социальном музее для того, чтобы окончательно укрепить за собой старшинство!

Примите, и прочее...

Пьер Бернар.

Пельтье сравнил это письмо с анонимным, полученным со двора Уи. Он констатировал ту же любовь к восклицательному знаку, но Пьер Бернар правильнее употреблял заглавные буквы и лучше расставлял знаки препинания: запятые и точки с запятыми — признаки внешней культуры.

Желая заслужить те деньги, на которые он жил, исследователь преодолел свою усталость. Отвергнутый рабочими, он принялся за статистику.

Записная книжка № 1 — „Документы“.

Лилль и окрестности. Количество рабочих и работниц 71.251. Количество лиц, получающих вспомоществование, — 35.858. Ему пришла в голову мысль найти коэффициент нуждаемости по различным профессиям. Для текстильной промышленности он нашел следующие цифры: На 20.405 человек рабочих — 2.786 получающих вспомоществование. Поденщики и чернорабочие образуют обособленную группу в 1.923 человека, нуждающихся в помощи. Вот 2.786 человек специалистов, которые ни своей энергией, ни квалификацией не могут увеличить своей заработной платы, ибо она определяется количеством оборотов станка.

„Надо еще принять во внимание тысячи рабочих, получающих помощь от многочисленных благотворительных учреждений и частных лиц. У меня нет точных цифр“.

Он записал правило Благотворительного Бюро: помогать всякой семье, заработная плата которой ниже шести франков в неделю на человека.

„Отец, мать и трое детей считаются обеспеченными, если отец зарабатывает пять франков в день. Но средний дневной заработок не превышает трех франков с половиной. Итак, помощь оказывается не вдове, не калеке, а здоровому рабочему, голодающему из-за недостаточной оплаты своего труда. Вывод один: здесь

рабочий — в то же время нищий, получающий милостыню“.

Сквозь большие запотевшие окна библиотеки он видел свинцовое небо, нависшее над зимней Фландрией, черной от нищеты и осужденной на смерть. Он думал:

„Этот народ, лишившийся чувства собственного достоинства, смотрит на благотворительность, как птицы на рассыпаемый для них корм“.

Какое однообразное небо! Ни облака, ни солнца. Полотнище холста, развешанное для беления. Бледно-серая тьма, сомкнувшаяся над сырою землей. Где отдушина?

Он наклонил над работой усталую голову и думал:

„Надо прийти к заключению, что в промышленности не хватает рабочих рук, и изменить ставшие каррикатурными формулы: „Если условия жизни рабочего ухудшаются и он перестает размножаться, заработная плата повышается. Железный закон“! Это неправда! Здесь победил другой закон: „Дай по любви, чтобы не надо было платить по справедливости“. Милостыня дает возможность существовать тем, кто умирал бы от голоду, не имея ничего, кроме своей заработной платы. Помогают только тем, кто находится на границе умирания“.

Он вспомнил о „философии“ Деркюисса:

„Всеобщее увеличение заработной платы может последовать, если будет доказано, что одинаковая нищета влечет за собой всегда одни и те же результаты. Ошибка. Надо принять во внимание различную приспособляемость людей, что учитывается гибкой благотворительностью. Надо помогать только тем, которые уже не могут двигаться самостоятельно, в то же время толкая вперед всех остальных, как делает Деркюисс.

Следом за ним идет его супруга и отец Эйшер. Прибыль получается на тех, которые еще идут одни, идут во что бы то ни стало. К тому же, она может быть увеличена, ибо в благотворительности можно и отказать. Увеличение же заработной платы не так легко берется обратно!

Он раздраженно подумал:

„Пьер Бернар заставляет меня спрашивать у Гилль Бобб и тетки Вассэнг, сколько стоит свиное сало. Подглядыватель нищеты! Он насвистывает себе песенку из цифр, чтобы хвастать потом и выделяться на фоне всеобщего несчастья. Кто спасет этот народ? Не Депретэр ли посредством пива Матэ Леспаньоля или женьева Вамбреши? У рабочего три врага: фабрика, лачуга и кабак. А сообщники: священник и кружка пива“.

Вперив глаза в глубокую тьму, он воскликнул:

— О, свет!

И подумал более конкретно:

„Появись теперь Христос, он поднял бы знамя восстания против нищеты“.

Он казался самому себе выросшим до таких размеров, что касался головой вечности.

Какой божественно безжалостный разрушитель пройдет по всей этой мерзости! По этой бездне страданий! Из кучи людского навоза к тебе зывают о справедливости. Вдохни сюда твою душу бунтаря, дай решимость лучше умереть с бесстрашным смехом, чем жить в слезах, вымаливая подавание. Дай силу погибнуть тысячам с поникшей головой, чтобы остался жить один с гордо поднятым челом и положил начало новой, освобожденной божественной Справедливостью, расе!

Или же уничтожь землю, столкнув ее с какой-нибудь кометой. Уничтожь нас, если мы навеки веков осуждены быть лишь навозом, если нам ничего лучшего

не предстоит, как возносить елейные молитвы и откармливать собою богачей!

Устрой мир так, чтобы в нем царила или Справедливость или Смерть!

Успокоившись от волнения, навеянного на него этими грустными размышлениями, Пельтье принялся за работу, за которую ему платили, и обратил свое внимание на деятельность господ Матэ Леспаньолей и им подобных.

В Лилле 3.979 кабаков — в среднем один кабак на 54,73 жителя. Он не удовлетворился этим и сделал другой подсчет.

Взрослого населения в Лилле 68.233 человека, так что один кабак приходится на 17,7 взрослых людей или же один кабак на каждые 8,36 дома, т.-е. через каждые тридцать шагов.

Желая немного рассеяться, он решил предпринять прогулку к Гилль Бобб. Он ошибся направлением и попал в другое место. Перед ним были старые богатые строгого вида особняки с широкими подъездами улицы Руаяль, на которой лишь изредка встречались магазины.

У роскошного подъезда стоял автомобиль; шоффер в толстой шубе с блестящими металлическими пуговицами подошел вплотную к колесу.

Пельтье воскликнул:

— О, Тенирс! ¹⁾ Тут всегда можно видеть человека, который мочится!

Задумчивый взгляд Пельтье остановился на белокурой даме, прекрасное лицо которой не осталось в его памяти, ибо он был ослеплен ее красотой, как солнцем, бьющим в глаза.

Однако и здесь нищета имела своего представителя в женщине в рваных башмаках на босу ногу. Она

¹⁾ Фламандский живописец, известный реализмом своих произведений. (Прим. перев.)

несла два хлеба из бюро попечительства о неимущих и остановилась пятном лохмотьев у двери с надписью на медной дощечке: „Поля Кушню“.

„Какой-нибудь благотворитель, — подумал Пельтье. — Здесь звонки изнашиваются только от рук священников и нищих“.

Он удивился, увидев через минуту ту же женщину, но уже без хлебов, выходящую из дома и направляющуюся куда-то поспешными шагами. Будучи уже основательно знаком с местными нравами, он почувствовал в этом нечто подозрительное и решил выяснить вопрос в первом же кабаке.

— Кружку пива.

Мужчина с круглым хлебом, оттопыривавшим ему полу пиджака, позвонил у двери Поля Кушню и вышел оттуда с опавшим животом.

— Э! — сказал Пельтье, — вы знаете! — и подмигнул по направлению к дому Кушню, а затем предложил кабатчику:

— Выпьем со мной!

Кабатчик — одновременно и мясник, пришедший в пивную после работы на бойне, — пустил в ход насос своими, покрытыми светлыми волосами, руками, на которых оставались еще брызги крови.

— Ну и ходит их к нему! не перечать, — сказал он.

Пельтье допытывался, желая получить более точные сведения:

— Сколько?

Краснощекый мясник опрокинул кружку в свой большой рот и громко закашлялся.

— Он скупает, сколько может. По четыре су двухфунтовый хлеб. Хороший суп для телят.

Пельтье повторил свою любезность:

— Еще кружку и одну для вас!

Кабатчик нацедил.

— Хорошее пиво. Прямо наслаждение; из вчерашней бочки... О, это хитрец, этот Кушню, но свою обязанность члена городской управы он исполняет хорошо; он работы не боится и идет напролом, если нужно раскрыть какую-нибудь махинацию. Лица, получающие вспомоществование и предпочитающие кружку пива ломтю хлеба, знают хорошо его адрес.

Пельтье сочувственно сказал:

— Надо же выпить свою кружку пива.

— Я тоже думаю, что надо, — согласился мясник.

На улице Пельтье подумал:

— Опять ошибка в моих расчетах: стоимость хлеба, продаваемого Кушню по два су за фунт, должна фигурировать в графе 25. Нужно, однако, узнать точные количества.

Профессиональная добросовестность привела его к звонку дома Кушню и в его широкую переднюю, где толстая женщина в фартуке остановила его своим вопросительным видом:

— К господину Кушню по личным делам.

Женщина медленно пошла в комнаты и скоро вернулась.

— Зачем?

Настойчивый Пельтье дал ей свою визитную карточку.

— По поручению Пьера Бернара.

Кушню стремительно вышел в переднюю и остановился у вешалки, где стояли толстые дубины, которыми можно было бы оглушить быка.

— Бернар? Я такого не знаю! Что вам надо?

— Мне необходимо получить у вас для обследования, производимого банкиром Бернаром, сведения, касающиеся распределения городом хлеба между бедняками в количестве 748.043 килограммов.

Кушню с недоумением посмотрел на визитную карточку, целая треть которой закрывалась его громадным

пальцем, затем на Пельтье, и, нагнув голову как разъяренный бык, так что под подбородком образовались складки, заорал:

— Вот что тебе надо узнать у меня! Пошел вон!

Несмотря на то, что он ворвался в чужую квартиру, Пельтье не чувствовал при этом нападении такого смущения, какое испытывал при столкновении с Копенолем, ибо поступок его был продиктован велениями его совести. Ловко задержав занесенную над ним руку скототорговца, он возразил:

— Милостивый государь! Я к вам явился вежливо и по обязанности...

Эти простые слова и спокойствие Пельтье смутили Кушню, который убрал руки, но сохранил ту же свирепость в голосе:

— Люди всегда торговали раздаваемым хлебом. Я, что ли, гоняюсь за ними? Пьяницы продают его, чтобы купить водки. А мясные боны? Мясник скупает по двадцать су, хотя они стоят сорок. Эти бабы говорят, что у них нет аппетита. Я, что ли, в этом виноват? Мне приносят хлеб; он мне нужен для моих телят — я его покупаю. Не мое дело допытываться, откуда у них этот хлеб. Для меня хлеб — это хлеб.

Массивная дверь, яростно захлопнутая за Пельтье, долго еще дрожала на своих петлях.

Обследователь в нерешительности спрашивал себя:

— Должен ли я к 35.858 получающим помощь прибавить еще телят Кушню?

Через узкий проход между двумя приличными фасадами он проник в огромный двор, похожий на деревушку с извилистыми улицами. Это было как бы гнойной язвой, скрытой под тонким внешним покровом богатых домов. Будучи историком по образованию, он в этих лачугах узнал стиль Людовика XIV. Среди стен, в которых столетиями ютилась людская нищета,

в одном из окон он увидел старуху, поднимающую занавеску.

Гилье Бобб? Нет. В лице Гилье сквозь слой грязи можно было всегда различить подобие улыбки.

Пельтье подошел к старушке, настолько согнутой от старости, что голова ее почти лежала на подоконнике открытого окна.

— Не знаете ли вы...

Он должен был еще раз прокричать свой вопрос, заглушенный яростным лаем собаки.

— Не знаете ли вы, где живет Гилье Бобб?

Старушка одной рукой призывала кого-то сзади к молчанию, а другую в виде воронки приставила к уху.

Обрадованная тем, что с ней заговорили, она старалась удержать Пельтье и неразборчиво бормотала, как будто желая ему что-то сообщить.

— Бобб, вы говорите... Пойдите, это не эта ли женщина... которая...

Пельтье пошел дальше вдоль деревни, расположенной в центре богатого квартала и совершенно невидимой снаружи. Он не мог отделаться от изумления: снаружи румяна чистеньких домов, и вдруг дыра, сквозь которую поток людской нищеты стремился к пятнам вонючих лачуг.

А! Новые кирпичи!

«Пиво Матэ Леспаньоля».

Пивовар поместил свой кабаk в самой гуще рабочих жилищ.

Обследователь продолжал осторожно продвигаться. На улицах Аллотери он вошел под какие-то своды; на другом конце узкого каменного рукава показалась женская фигура и отступила назад, чтобы дать проход Пельтье. Он остановил ее возгласом:

— Гилье Бобб?

Женщина с трудом подняла гноящиеся веки; сосуд с пивом оттягивал ей руку до колен.

— Она поселилась у этой черной, что живет в глубине этого здания.

Три дома подымались вокруг небольшого двора, похожего на колодец. Виднелись украшенные скульптурной раковиной двери старинных отхожих мест. Во тьме коридоров Пельтье нащупал перила лестницы. Он не видел, где начинаются двери; он начал стучать по стене наугад, пока не наткнулся на дерево, издавшее особый звук. Никого. Безмолвие угнетало его словно тяжелый груз, обрушившийся на слабые плечи. Крик ребенка оживил тишину.

Откуда донесся он? Молодой человек постучал дальше — стена, наконец, опять дерево. Крик ребенка доносился отсюда. В глубине коридора появилось пятно света, белесоватого, как нечистая кожа необмытого мертвеца. Пельтье направился к раскрытой двери.

— А, это вы? — услышал он знакомый голос. Еще не видя ничего, он спросил:

— Гилль Бобб?

Она шевельнулась и отделилась от тьмы.

— Я была поражена, знаете, — сказала она. — Вы, однако, ловкий человек. Садитесь.

Комната с одним окном на колодезь вместо двора казалась очень просторной, так мало было в ней мебели: полученная из попечительства железная кровать, чугунная печка да стул.

Гилль зацепилась одной рукой за железную перекладину кровати и приняла позу непринужденно болтающей бабы.

— Зимой здесь хорошо.

— А мои книжечки? — спросилследователь.

Она молчаливо усмехнулась и сказала:

— Роза Вакренье и Жюли Вассэнг мне должны двадцать су. Вассэнг, прядильщик, в это воскресенье

взял у меня еще два су на сигару. Он говорит, что в воскресенье трубка хуже держится во рту. Он хитрый, вы знаете! Я себе сказала: они не хотят ничего написать: тогда я их заставила: я говорила: нужно написать, нужно написать; он, ведь, обещал, что даст сорок су. Это молодой Эннион написал всем. Тогда я сказала...

Пельтье вынул деньги. Она порылась в своих лохмотьях и достала оттуда записные книжечки.

— Что они говорили обо мне, эти женщины? Я знала, что все будут трепать свои языки.

Пельтье различил в комнате еще обстановку: Распятие и кофейник: всю гамму верований Гилль — от Иисуса да полфунтика кофе, рассыпанного на тарелке с черными от кофейной гущи трещинами.

На другом конце двора, сквозь освещенные окна занавесок, виднелись какие-то неясные фигуры — может быть дети. К окну медленно приблизилось, словно выплыло из тины, бледное лицо женщины, помаячило немного и опять погрузилось в темноту.

— Какой старый дом, — сказал Пельтье.

— Очень старый, и всетаки дорогой. Комната стоит пять, шесть франков в месяц. Когда-то, когда жили в подвалах, только богачи позволяли себе располагаться в таких комнатах. Теперь в подвалах селиться запрещают. Все-таки, знаете, есть еще люди, которые там живут — тот, маленького роста, который продает колотые дрова.

Она с сожалением вспоминала о старом рабочем быте:

— Зимой хорошо жить в погребах.

Они простились на деревянной лестнице с прогибающимися под ногами ступеньками, и Пельтье видел, как Гилль Бобб входила в кабачок за женьевром. На пороге кабака она обернулась и ласково кивнула головой.

Уходя из этого дома, Пельтье теперь особенно внимательно смотрел на подвалы, куда спускались через отдушины не больше метра в окружности и где теперь находились мелкие почилочные мастерские сапожников, водопроводчиков и слесарей, стук молотков которых раздавался на уровне жилищ мертвецов.

Пельтье заполнял анкеты и наткнулся на затруднение, когда дошел до записной книжки Делесаля.

Дневное жалованье 3 фр. 75 — всего 22 фр. 50

В неделю нам надо:

15 килогр. картофеля	1 » 50
2 мешка угля	3 » 40
2 хлеба по 3 фунта каждый в день, что составляет в неделю	7 » 70
3 метра керосину	1 » 05
Овощей для супа	1 » 50
1/2 фунта кофе	1 » 20
Сахар, цикорий, мыло, крахмал	2 » 00
Масла	2 » —
Квартирная плата в месяц	15 » —
В магазин за одежду и белье в месяц	10 » —

И будьте уверены, что мясо остается у мясника.

Примите, дорогой господин, уверения в уважении к вам моей жены, моих четверых детей и меня самого.

В графе: белье и одежда — 10 франков в месяц, Пельтье ясно увидел обычное мошенничество магазинов, оказывающих рабочим кредит. Рабочие, довольные возможностью получить вещи без немедленной уплаты, не поднимают никогда вопроса о цене и без спора уплачивают ежемесячно требуемую с них сумму.

В этих бюджетах расход всегда превышал доход, что неизбежно приводило к мысли о помощи попечительства.

Он удивился, увидав в ответе тетки Вассэнг в графе 15 — мясо — цифру 2 франка 75 в неделю. Он знал, что на острые зубки пятерых детей Вассэнг мясо попадало только благодаря бонам попечительства, раздаваемым 14 июля, и бонам других благотворительных учреждений.

Обследователь обнаружил, таким образом, что рабочие считают в высшей степени позорным для себя не покупать мяса. Но Вассэнг не указала в своих расходах нюхательный табак своей матери, которая вся пропахла им. Каждый день — су. В год собиралось 18 фр. 30 сантимов.

Пельтье огорчился.

— Вассэнг, ты лжешь! А ведь я стараюсь, чтобы именно для тебя справедливость восторжествовала. Говори правду, Вассэнг. Если бы сегодня все заговорили, ничего не утаивая, завтра же мир не узнал бы себя.

Сознание, что он работает добросовестно, успокаивало мысль молодого человека, приходившего в отчаяние от несоответствия между сообщенными

ему цифровыми данными и действительностью. Он размышлял:

„Мрачная работа; единственно веселое в ней — это эфемерность выкладок социолога Бернара. Какую бы живую правду я ни принес ему, он все таки выведет нужные ему *«сравнительные коэффициенты уровня жизненных потребностей»*“.

Пельтье проверил вес купленного им кулечка кофе, сорок граммов за четыре су; пять граммов весит бумага; всего 2 фр. 85 сант. за фунт вместо тридцати су, если брать фунтами за наличные.

— Вот, — рассуждал Пельтье, — Розе Вакренье кофе стоит дороже, чем Пьеру Бернару. Бедняку все обходится дороже, чем богачу; его угнетает чудовище кредита. В течение месяца только три недели рабочий трудится для себя; четвертая — это дань Кредиту. У Деркрюисса я видел бумагу о наложении ареста на плату рабочего в сумме одиннадцати франков плюс пятьдесят франков судебных издержек — за пару женских ботинок, которые стоят в магазине при покупке за наличные семь франков. Только среди работниц, получающих два с половиной франка в день, можно найти женщину, которая платит за ботинки шестьдесят один франк. Супруга Пьера Бернар не тратит столько на обувь...

Он начал внимательно рассматривать анкеты.

АНКЕТА № 1.

1912 год.

1. Имя: *Эннион.*
2. Профессия: *Механик.*
3. Адрес: *Улица Рогашион, двор Уи.*
4. Коммуна: *Лимль.* Департамент: *Север.*
5. Число детей: *7.*
6. Число детей работающих: *2.*

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА:

Отец

Мать

Дети

1 катушечница получает 2 фр.
50 с. в день, а 4 швейки полу-
чают 2 фр. в день.

7. Полнено:

8. В месяц:

307 × 11 =

3377

367

55

Заработная плата в 1 год.

Дефицит, запознанный

благотворительностью.

Годовой расход.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Потребление от 3 до 4 фунтов

в неделю.

По 1 фр. 50 в неделю.

4 хлеба по 3 фунта в день.

По 1 фр. в день.

По 3 франка в неделю в 2

покупки на рынке.

По 1 фр. в неделю.

По 1 фунту в неделю.

По 1 килограмму в неделю.

35 литров в неделю в бутылках.

100 граммов в неделю.

2 комнаты в 1-м этаже, 2 во

2-м, 2 мансарды и 1 погреб.

10 фр. в неделю на текущий

ремонт одежды и мебели.

Отец имеет 3 крупы в неделю;

детям в кинематограф 0,30;

девушкам в воскресенье 0,40;

0,70 в неделю. Трамвай.

Покупка мешками по 50 кил.

за 150. Средний годовой

расход (летом и зимой) по

5 фр. 10 цент. в неделю.

22 кил.огр. в неделю.

По поллитра и 1 су в день.

По 4 литра в неделю.

По 0,70 в неделю.

0,25 в неделю, считая и ленты

для девочек.

2 франка в неделю за крупное

белье, стираемое вне дома.

По 0,15 в неделю.

Масло, уксус, нитки, пряности

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

и т. д. 3 франка в неделю

АНКЕТА № 2.

1912 год.

566 дней.

52 воскресенья.

7 праздников.

307 рабочих дней.

1. Имя: Беке.

2. Профессия: ткач.

3. Адрес: Улица Рогасион, двор Уи.

4. Коммуна: Лим.б. Департамент: Север.

5. Число детей: 4.

6. Число детей работающих:

Заработная плата:

7. Полноно:

8. В месяц:

$$307 \times 3.50 =$$

9.

10.

11.

Расходы:

Цена:

1.20 фунт.

13. Сало и свинина

14. Хлеб

15. Мясо

16. Овощи

17. Кофе

18. Цикорий

19. Сахар

20. Пиво

21. Алкоголь

22. Табак

23. Квартира

24. Одежда

25. Развлечения

26. Передвижение

27. Уголь

28. Картофель

29. Молоко

30. Керосин

31. Мыло и сода

32. Парикмахер

33. Пожертвования

34. Пожертвования

35. Пожертвования

36. Пожертвования

37. Пожертвования

38. Пожертвования

39. Пожертвования

40. Пожертвования

41. Пожертвования

42. Пожертвования

43. Пожертвования

44. Пожертвования

45. Пожертвования

46. Пожертвования

47. Пожертвования

48. Пожертвования

49. Пожертвования

50. Пожертвования

51. Пожертвования

52. Пожертвования

53. Пожертвования

54. Пожертвования

55. Пожертвования

56. Пожертвования

57. Пожертвования

58. Пожертвования

59. Пожертвования

60. Пожертвования

61. Пожертвования

62. Пожертвования

63. Пожертвования

64. Пожертвования

65. Пожертвования

66. Пожертвования

Отец

Мать

дети

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

Заработная плата в год.

Действит. затопляемый

благотворительностью.

Годовой расход.

Примечания.

1 фунт в неделю. Искусствен-

ное масло: маргарин.

0,50 в неделю.

2 хлеба по 3 фунта в день.

Едят мясо лишь, когда полу-

чают бонус от благотвори-

телей.

2 франка в неделю.

По 1 фунту в неделю.

По 1 фунту в неделю.

Употребляют меньше 1 кило-

грамма в неделю.

Домой редко приносят пиво.

В среднем Беке расходует

ежедневно в кабале 0,25.

100 граммов в неделю.

Квартира раздм с уборщицу.

1 колониата внизу и 1 наверху.

Дается пашаши слабо-чаши.

Беке расходует 1,50 в воскре-

сенье и 1,50 в понедельник.

В среднем 100 кр. в неделю.

2 килограмма в день.

1/2 литра в день.

2 литра в неделю.

0,75 в неделю. Стирает сама.

0,40 в месяц на стирку отца

и старшего сына и по 0,10

в неделю на бритье отца.

0,15 в неделю.

Масло, уксус, нитки, иглы

и т. д. 0,50 в неделю.

—

—

—

Беке работает отдельно и заработок в 3,50 указан как средний. Это работа не перерывами. Когда с окончанием одного куска, станок останавливается, ткачу приходится ожидать пока его снова не пустят в ход. Беке изредка помогают, особенно если не дома свои поручи в один день, он старается навестить матеря на следующий день. Беке получает из бюро 5 хлебов в неделю, одежду, постельные принадлежности в месяц. Трое детей получают в школе бесплатные обеды и по количеству одежды в год. Дамы благотворительницы особенно помогают жене Беке за чистоту, в которой она содержит свою квартиру.

7 и 8. Заполнять эти графы сообразно системе заработной платы. Заработок, выдаваемый каждые две недели, считается полным и ставится в графу 7. Жалование служащих вносится в графу 8. Если заработок, показанный в графах 7 и 8, является не единственным, указать побочный заработок и вписать побочное занятие в графу профессии. Например: сельский рабочий, ткач на дому.

9, 10 и 11. Суммы, представленные в графах от 36 до 12, надо сложить и сумму вписать в графу 11.

Сумма граф 11 и 10 должна дать сумму графы 9.

36. В 36 графу поместить сумму всех оставшихся расходов с лишним для того, чтобы создавать для них отдельные графы.

Цена. В эту графу поместить цену масла, сала, хлеба за килограмм, пива за литр и т. д.

В 21 графе должно быть показано обычное количество ежедневно употребляемого алкоголя.

В графе 25 напечатать указание воскресный расход на алкоголь, так же как и на связанные с его употреблением развлечения: игра в карты и т. д.

Примечание: кавычек не ставить, а повторять цифры, если понадобятся.

АНКЕТА № 3.

1912 год.

366 дней.

52 воскресенья.

7 праздников.

307 рабочих дней.

1. Имя: *Вакренне.*2. Профессия: *связывальщик в бумагопрядильне.*3. Адрес: *Улица Рогасюн, двор Ум.*4. Коммуна: *Лилль.* Департамент: *Север.*5. Число детей: *5.*6. Число детей работающих: *1.*

Заработная плата:

7. Поденно:

8. В месяц.

307 × 5

Отец

3,50

Мать

—

Дети

*1,50**Девочка на мыслала в бумагопрядильне.**Заработная плата в год. Дефицит, пополамываемый благотворительностью.**Головой расход.**1 1/2 фунта в неделю.**0,50 в неделю.**2 хлеба по 3 фунта ежедневно берется у лавочника, а в кооп. из-за кредита. 0,75 в неделю.**1 1/2 фунта в неделю.**1 ф. в неделю.**1 ф. в неделю.**Вакренне пьет одну рюмку бренди в понедельник. 0,20 таб. для трубки в неделю. 1 комната внизу и 1 наверху.*

Расходы:

Цены:

*2,50 за фунт**мелк. коллч.**0,55 за 3 фунта.**—**2,85 фунт. мелк. количествами.**0,30 фунт.**1 фр. за килограм.**мелкими коллч.**—**0,10 больш. рюмка.**—**15 фр. в месяц.**—*

АНКЕТА № 5.

1912 год.

366 дней.
52 воскресенья.
7 праздников.
307 рабочих дней.

1. Имя: *Копенцов*.
2. Профессия: *Литейщик*.
3. Адрес: *Улица Рогащон, двор Уи.*
4. Коммуна: *Лидаль*, Департамент: *Север*.
5. Число детей:
6. Число детей работающих.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Отец Мать Дети.

4.50

7. Поценно:

8. В месяц.

9.

10.

11.

1.381 50 Заработная плата в год.
Сбережения.
Годовой расход.

Расходы:

Цена:

ПРИМЕЧАНИЯ.

12. Масло
13. Сало
14. Хлеб
15. Мясо
16. Овощи
17. Кофе
18. Цикорий
19. Сахар
20. Пиво
21. Алкоголь
22. Табак

Г О

23. Квартира
24. Одежда
25. Развлечения
26.
27.
28.
29.
30.
31.
32.
33.
34.
35.
36.

Г О

7 и 8. Заполнять эти графы сообразно системе заработной платы. Заработок, выдаваемый каменные лее недели, считается полным и ставится в графу 7. Жалованье служащих вносится в графу 8. Если заработок, показанный в графах 7 и 8, является не единственным, указать побочный заработок и вписать побочные занятия в графу профессии. Например: сельский рабочий, тляч на дому.

9, 10 и 11. Суммы, проставленные в графах от 36 до 12, надо сложить и сумму вписать в графу 11. Сумма граф 11 и 10 должна дать сумму графы 9.

36. В графу 36 поместить сумму всех оставшихся расходов слишком мелких для того, чтобы создавать для них отдельные графы.

Цена. В эту графу поместить цену масла, сала, хлеба за килограмм, пива за литр и т. д.

В 21 графе должно быть показано обычное количество ежедневно употребляемого алкоголя.

В графе 25 надлежит указать воскресный расход на алкоголь, так же как и на связанные с его употреблением

развлечения: игра в карты и т. д.

Примечание: кавычек не ставить, а повторять цифры, если понадобятся.

Пельтье мог бы быть доволен полученной им детальной картиной нищеты, если бы не графа 21: алкоголь — которая возбуждала в нем сомнения. Чтобы проверить правильность сведений, полученных им по этому вопросу, он отправился в Вазем еще до шести часов утра. Беззвездная ночь усилила в нем ощущение тоски Севера. Прозвучал первый заводский гудок. Окна черных рабочих домов заблестали огоньками; во дворе Уи беспрерывно стучала водокачка.

Пельтье зашел в кабак „О Вамбреши“. Жена Вассэнга не спеша вышла из задней комнаты, где сам Вассэнг с мальчиком умывались из деревянного корыта. Обследователь спросил:

— У вас есть кофе?

Женщина с вылезавшими из-под ночного чепца волосами нацедила в крошечную чашечку черной жидкости:

— В это время всегда есть кофе бесплатно.

Поставив чашечку на стол, она спросила:

— Женьевру, водки?

Пельтье ответил, подделываясь под тон обычных посетителей.

— Женьевру...

Пузырек с оловянным носиком наклонился над чашкой. Жена Вассэнга дала сорок сантимов сдачи с полуфранковой монеты.

— На этом почти ничего не зарабатываешь; нужно очень много продать, чтобы заработать. В понедельник утром женьевр идет еще довольно бойко; нужно уже быть совершенно несчастным, чтобы отказаться от женьевра в понедельник.

В кабак зашло трое рабочих с засунутыми в карманы штанов руками, на которых болтались мешочки с завтраками. Кабатчица здоровалась с мужчинами, называя их по имени и, не спрашивая, наливала, зная привычки завсегдатаев. С закончившим свое умывание и появившимся в дверях Вассэнгом, у которого мокрые волосы ниспадали до красного носа, вошедшие обменялись обычными утренними фразами:

— Сейчас будет второй гудок.

— Идете?

— Уже время.

Зашло еще двое рабочих за маленькой рюмочкой в су; один из них взял, кроме того, с собой на фабрику децилитр за пять су.

По уверенным действиям кабатчицы, подававшей клиентам, не ожидая их приказаний, Пельтье заключил об установившейся стародавней привычке. У него были цифры в руках, которые ему надо было только помножить на шесть, чтобы установить еженедельный расход. Он вышел из кабака, когда Вассэнг, уже одетый, сел вместе с посетителем выпить свою утреннюю чашку кофе с женьевром. Заводские гудки заглушали шум шагов рабочих, спешащих по темным улицам. Неутомимый обследователь забежал еще в кабак „Бьен Асси“. Налитые стаканчики, выстроившиеся в ряд на прилавке, давали представление о числе ожидаемых посетителей: их было семнадцать. Депретэр помогал своей невыспавшейся жене с помятым лицом. Спутанная от сна борода кабатчика — проповедника тряпкой висела над черным галстуком, завязанным, как петля на шее удушенника.

Он узнал Пельтье:

— А! А! Уже встали! Что нового?

— Много ли вы продаете женьева?

Заросший волосами кабатчик начал медленно низким голосом:

— Рабочий не пьет женьева, как капиталист коньяк. Мы — антиалкоголисты. Выпить утром рюмочку женьева — не значит пить.

Повысив тон, он принялся ораторствовать.

— Да! Ограничение числа кабаков — и есть алко-голизм. В Голландии, товарищи, статистика доказывает, что чем больше кабаков, тем меньше в стране пьяниц. Ограничить число кабаков — значит совершить преступление против рабочего класса.

Посетители громко одобряли:

— Известное дело!

— Приходилось бы ходить в кафе!

— И платить по шесть су за рюмку, откармливать богачей... Рюмку!

Пельтье слышал, как один из любителей выпить предложил товарищу:

— Еще по рюмочке?

Он пошел за этим мотом, истратившим уже двадцать сантимов, но как только оба рабочих оказались на улице, приглашенный, в свою очередь, ответил любезностью и предложил: „выпьем еще по одной“, — что они и сделали в соседнем кабаке, из которого в это время выходили мужчины и три женщины. С последним гудком в двадцать пять минут седьмого широко раскрытые ворота заводов поглотили рабочее мясо, политое женевом.

Пельтье, борясь с холодом, быстро зашагал по улицам, на которых попадались лишь одиночные рабочие мастерских, начинающих работу в семь часов. Он поднял голову, чтобы полюбоваться начинающимся рассветом.

Сквозь толщу облаков пробивался с трудом неопределенный свет.

В глубине какого-то двора, у водокачки, маячило светлое пятно рубашки мальчика. Слабые ручки ребенка, белевшие на черном рычаге, с трудом справлялись с ним; подымая рычаг, мальчик вытягивался во весь рост и становился на цыпочки. Рядом стояла девочка с ведром.

Из соседней, серой в предрассветной мгле улицы раздавался крик:

— Колотые дрова!

Показалась маленькая двенадцатилетняя торговка с тележкой, на которой кучей лежали расколотые дрова для утренних растопок.

Пельтье пошел по направлению к укреплениям, где он мог бы найти открытый горизонт и полюбоваться восходом Солнца-Утешителя. Над молодым человеком, остановившимся в задумчивости на насыпи, распростерлись мечтательные крылья одиночества. На черной равнине не было никакого света, кроме фабричных огней; правильные ряды освещенных окон пронизывали все еще длившуюся ночь.

В овраге, как забытая шпага, блестел ручеек. Мокрый башмак скользил по вязкой глине тропинок, мертвенно серых в черной траве. На откосах, словно на страже, стояли высокие мрачные деревья.

Мрак, царивший вокруг, слегка ослаблялся брезжившим сверху тусклым светом; ни одного луча; лишь усиливающаяся синеватость тонов свидетельствовала о рассвете. Мертвое лицо бессолнечного дня. Упорные облака, казалось, навсегда сокрыли от земли зрелище небесных светил.

Какая тоска в этой белой тьме! Победенный свет удалился в Невидимое. Утро? Вечер? Который час Человечества?

Солнце не встало.